

Десницкий Андрей Сергеевич

В поисках смысла
(сборник)

Андрей Десницкий
В поисках смысла (сборник)

«Десницкий Андрей Сергеевич»

2013

Десницкий А. С.

В поисках смысла (сборник) / А. С. Десницкий — «Десницкий Андрей Сергеевич», 2013

Сборник публицистики от Андрея Десницкого содержит семьдесят небольших статей на самые разные темы, от христианской веры до российской политики и общественной жизни. Публикации Десницкого хорошо знакомы тем, кто бывает на сайтах «Православие и мир», «Нескучный сад», «Фома», «Русский журнал» и т. д. Этот сборник можно считать продолжением его второго сборника, «Люди и фразы», вышедшего в издательстве «Никея».

© Десницкий А. С., 2013

© Десницкий Андрей Сергеевич, 2013

Содержание

От автора	6
Верую	7
1. В поисках смысла	7
2. Глас хлада тонка	10
3. Паек или благодать?	12
4. Битвы за чужую святость	15
5. С двух сторон аналая	18
6. Парадоксы нашего поста	20
7. Пост в купальный сезон	23
8. Вопросы не о богослужбном языке	25
9. Возвышенность языка	29
10. Фунт чухонского масла	32
11. КПСС и РПЦ	35
12. Свое суждение иметь	38
13. Наука ли богословие?	41
14. Фундаментализм: выход или вызов?	44
15. Лингвисты об эволюции	51
16. Первая тувинская Библия	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Десницкий Андрей Сергеевич

В поисках смысла

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

От автора

В этот сборник вошли семьдесят статей, которые публиковались в 2010–2012 годах в разных изданиях (в основном сетевых): «Православие и мир», «Нескучный сад», «Фома», «Русский журнал», «Татьянин день», а также на сайте храма Св. Иоанна на Пресне. Некоторые из них были отредактированы, поскольку книжная публикация всегда немного отличается от журнальной, даже если обе они – электронные.

Но самое главное, они были собраны вместе, и надеюсь, читатель согласится: собраны не случайным образом. Жанр этой книги – христианская публицистика. Говоря иным языком, это размышления на разные темы и по разным поводам, их объединяет стремление найти смысл, и найти его на пути христианской веры. Это не разговор об особенностях церковной жизни (как молиться и поститься), не проповедь и не богословский трактат, хотя в некоторых статьях будет немножко и от первого, и второго, и третьего. Но это прежде всего личные размышления. Читатель может согласиться с ними или нет, его право, если же он задумается над этими вопросами, если постарается найти свой собственный ответ на них – значит, уже не зря он эту книгу читал.

В книге пять разделов. Название первого «Верую», говорит само за себя. Но это не изложение догматов, не изъяснение богослужебных текстов, а разговор о православном христианстве здесь и сейчас: каким оно может быть, что дает оно нашим современникам и перед какими вопросами их ставит. Статьи второго раздела, «Наедине», говорят о личном, о чем-то таком, что обсуждают обычно двое или трое друзей, а третий раздел, «Планета людей», посвящен уже общественным проблемам – прежде всего, нынешней российской жизни. Четвертый раздел, «На площадях», мог бы стать его частью, но все же от выделен особо как слишком «горячий» и конкретный – туда вошли статьи, написанные зимой и ранней весной 2012 года во время выборов и всего, что за ними последовало. Наконец, пятый раздел, «Настоящее прошлое», содержит размышления о тех страницах истории (от библейской и до новейшей), которые остаются актуальными и сегодня. В то же время статей по библеистике (моей основной специальности) здесь нет, они вошли в состав другой книги, «Сорок вопросов о Библии».

Что еще сказать? Читайте на здоровье! А если захотите отправить отзыв, это можно сделать по адресу: a.desnitsky@gmail.com.

Верую

1. В поисках смысла

Был такой человек – Виктор Франкл. Он изучал психологию у самого Зигмунда Фрейда, практиковал как психоаналитик – а во время Второй мировой попал в нацистский концлагерь. Ему удалось выжить, и он написал об этом несколько книг. Самая известная из них называется «Человек в поисках смысла». В концлагере заключенные испытывали множество мучений, но самым страшным оказались не голод, побои, холод и унижения – а бессмысленность всего происходящего. Солдаты в окопах точно так же недоедали, мерзли, подчинялись жестокой и не всегда разумной дисциплине, наконец, умирали от ран – но они понимали, что такова цена победы над врагом. Заключенные страдали без какой-либо разумной цели, и бессмысленность становилось для них самой страшной пыткой.

«Человек не должен спрашивать, в чем смысл его жизни, но скорее должен осознать, что он сам и есть тот, к кому обращен вопрос» – такой вывод сделал сам Франкл из своих наблюдений. Иными словами, каждый человек сам решает, каким смыслом наполнить свою жизнь, никто не даст ему этот ответ в готовом виде.

Вне экстремальных обстоятельств желания большинства людей просты и понятны: обеспечить себе и своим близким безбедное существование. Питаться всё лучше, жить всё комфортнее, развлекаться всё изысканней... и нет предела этой гонке за комфортом и удовольствиями. Пусть мы сегодня живем намного лучше, чем жили наши предки сто или пятьдесят лет назад, зато нам намного хуже, чем некоторым соседям по планете! И даже мультимиллионер будет завидовать миллиардеру.

И в то же время среди людей всегда находились такие, кто бросал уютный дом и пускался в дальние и опасные странствия в поисках новых земель, или селился среди бедняков в далеких странах, чтобы облегчить их страдания, или уходил в бесплодную пустыню, чтобы наедине беседовать с Богом... Ради чего стоило бросить столь естественные для человека заботы? Люди открывали некий очень важный для себя смысл – и по сравнению с ним ничего уже не значили комфорт и достаток.

В советское время почти все жители нашей страны предавались вынужденному аскетизму, кроме самой верхушки. Продукты и вообще почти всё приходилось доставать по блату или выстаивать за этими товарами в очередях, а путешествовать по миру можно было только с разрешения парткома. И вот советский строй пал, и бывшие советские люди обнаружили, что «народное достояние» было моментально кем-то приватизировано, а им практически ничего не досталось. Дети падали на уроках в голодные обмороки, инженеры высшей квалификации торговали на базарах китайским ширпотребом... Людям, казалось, было не до высоких смыслов – нужно было элементарно выживать.

Но и тогда отчего-то множились не только ларьки с пивом и закуской, но и книжные издательства, народ шел не только на рынки, но и на проповеди о Боге. Люди массово принимали крещение. Прежние идолы рухнули, и надо было заботиться не только о пище и одежде, но и о новом смысле для новой жизни.

Впрочем, времена первоначального накопления капитала давно закончились. Конечно, в стране немало по-настоящему бедных людей, но жители больших городов уже в основном освоились с новыми условиями игры, приделались на сезонных распродажах, съездили отдохнуть к теплому морю, попробовали разных деликатесов... Молодые уже не понимают, как это можно было стоять в очереди за докторской колбасой, штопать носки, стирать полиэтиленовые пакеты.

А тоска и недоумение остаются. Почему вокруг все-таки столько равнодушия, жестокости, алчности и лицемерия – возмущаются люди. Почему на каждом шагу нас обманывают, нами манипулируют, почему мы не живем как на благополучном Западе? Вроде бы, всё есть в нашей стране: талантливые люди, богатая культура, чудесная природа, а в недрах – чуть ли не все возможные ископаемые. Чего не хватает нам?

Да и не только нам, если задуматься. Один из самых верных показателей того, насколько разочарованы бывают люди в жизни, насколько бессмысленной она кажется им – это статистика самоубийств на душу населения. Так вот, в верхней части этого списка – очень разные страны: бедные и богатые, диктатуры и демократии. Оказывается, не внешние обстоятельства определяют, насколько осмысленной видит человек собственную жизнь.

В библейской книге пророка Амоса есть такие слова: «Вот наступают дни, говорит Господь Бог, когда Я пошлю на землю голод, – не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних» (8:11). Именно эту жажду мы и ощущаем сейчас, когда материальный голод оказался, насколько это возможно, утолен. И оказалось, что жаждать слова можно настолько же сильно, как воды в жаркий день... Кстати, «слово» на греческом языке звучит как «Логос», именно этим понятием открывается Евангелие от Иоанна: «В начале был Логос». И точно так же обозначали греки смысл. «Человек в поисках Логоса» – так можно было бы перевести название книги Франкла.

Человеку свойственно придумывать логические объяснения всему, что с ним происходит. На этом основан и т. н. «Стокгольмский синдром»: люди, взятые террористами в заложники, с течением времени начинают оправдывать действия террористов, отождествлять себя с ними. Им невыносимо думать, что они для террористов – только средство, расходный материал. Они склонны будут согласиться, что террористы преследуют высокие цели, а сами они – помощники этих борцов за истину, вот такой смысл они придумывают для своих страданий. Только от этого они, конечно, не перестают быть пешками в игре террористов.

С точки зрения Библии, весь наш мир взят в заложники террористами, их глава так и называется в Библии: «князь мира сего», то есть тот, кто распоряжается в этом мире, не имея на это настоящих прав. И люди склонны находить свое уютное место в этом мире, и даже придумывать разумные объяснения нынешнему террористическому порядку: у нас то-то и то-то плохо, потому что нам мешают такие-то враги, потому что у нас несчастливая судьба, потому что обстоятельства наши так неблагоприятно сложились... А стоит убрать все эти помехи – вот тут-то мы и заживем счастливо и благополучно!

Только подлинный смысл событий лишь затуманивается такими объяснениями. Библейский взгляд на вещи предполагает, что в начале всего действительно был смысл, точнее – замысел Божий об этом мире, и значит, о каждом из нас. Его не так просто разгадать, как кроссворд, или решить, как математическую задачу. Скорее, человек распознает его в своей жизни, прислушиваясь к совести, разуму и чувствам и руководствуясь Словом Божиим, и на этом пути его могут ждать удивительные открытия – именно такие открытия и заставляют его порой бросить комфорт и резко переменить свой быт, чтобы последовать за открывшимся Смыслом Всей Жизни.

Каким он будет, зависит, в конечном счете, от каждого из нас. Для кого-то он состоит в том, чтобы испытать как можно больше наслаждений и накопить как можно больше богатств, но такой материалистический подход выглядит достаточно отталкивающе. Кто-то ставит во главу своей жизни служение высоким идеалам: например, искусству или науке, или политическому преобразованию общества, – но зачастую оказывается так, что за этими высокими желаниями тоже стоит жажда приобретений: всемирной славы, власти над людьми, изысканных интеллектуальных наслаждений. Кто-то служит другим людям, например, больным, или бедным, или даже просто членам своей семьи, и это прекрасно... если только в конце жизни

человек не приходит к выводу, что своей-то жизни у него как раз и не было, если не разочаровывается он в своем служении.

«Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам», говорит Христос (от Матфея 6:33). Какой неконкретный призыв! Понятно, как искать славы или денег – а вот как искать Царства и правды? О чем это Он? Мне кажется, здесь он призывает нас как раз к поискам великого, подлинного Смысла нашей жизни. Остальное: достаток, комфорт, разумное общественное устройство – приложится само собой, то есть либо возникнет, либо... мы научимся без всего этого обходиться и не страдать. И этот главный смысл жизни может быть у каждого свой, его нельзя описать никакой универсальной формулой. «В доме Отца Моего обителей много», говорит Христос в другом месте (от Иоанна 14:2).

На что похоже это Царство, в каком смысле Бог – наш Отец, как можно искать Его правды – об этом можно было бы говорить много, но всё равно не скажешь лучше, чем в Евангелии. Но мы можем быть уверены: если Бог – наш Отец, то смысл есть во всём, что происходит с нами, даже в страданиях, и он однажды откроется нам, если мы этого по-настоящему захотим.

2. Глас хлада тонка

Есть в Библии один красивый образ, который нечасто вспоминают – он теряется за другими образами, куда более звучными и красочными. Илия, великий пророк, в тяжелое для себя время, когда израильтяне преследовали его и поклонялись идолам, попросил Господа, чтобы Тот Сам явился ему. Ответ ему был дан такой: «выйди и стань на горе пред лицом Господним, и вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра, и там Господь». По-славянски заключительные слова звучат еще ярче и загадочней: «Глас хлада тонка и тамо Господь» (3 Цар 19:11–12).

Илия весь был – пламя и буря. Он обличал царя и истреблял языческих пророков, низводил огонь с неба и сам был вознесен на небо в огненной колеснице. Не случайно именно о нем говорили наши предки, заслышав грозу: это пророк Илия катит по небу. Именно такому пророку Господь и показывает самым наглядным образом, что Он входит в человеческую жизнь не в вихре, не в землетрясении, не в пламени, а в чем-то настолько тихом и неприметном, что даже перевести это выражение на любой современный язык очень трудно. Как же так, можно возразить и удивиться, ведь Закон на горе Синай был дарован народу как раз в землетрясении, и не раз сведенное с неба пламя подтверждало, что Господь есть Бог (и по молитвам Илии в том числе), и даже Иову ответил Господь из бури. Всё это так.

Но сам Ветхий Завет – он скорее про другое: про то, как Господь избрал неприметный и ничем не знаменитый народ. У египтян были великие пирамиды, у вавилонян – каналы, шумеры изобрели первую письменность, а финикийцы – первый алфавит. Все эти народы создали великие и славные государства, могучую культуру, распространили свое влияние по окрестным странам... а вот древним евреям нечем было хвалиться, кроме Бога. Как особую честь для Соломона, самого и знатного и богатого царя Израиля, упоминает Библия, что за него выдал свою дочь сам египетский фараон! Когда читаешь это, понимаешь, кем выглядели евреи на древнем Ближнем Востоке. Даже своим заклятым врагам филистимлянам, и тем уступали они в культурном развитии: позже них научились обрабатывать железо.

И так Господь напоминал им, что назначение избранного народа в этом мире – не в славе и силе, не в государственном величии и не в культурном и технологическом превосходстве, а в чем-то совсем другом. То же самое касается и Нового Израиля, Церкви. Ведь всё самое главное, что мы находим в Новом Завете, дается не в буре и пламени, а именно что «в гласе хлада тонка». Рождение Младенца в вертепе, беседы с рыбаками на берегу озера, Вечеря с учениками в горнице частного дома – разве сравнится всё это с царскими праздниками Ирода, с великолепием храмовых обрядов, с мощью римского войска и многоученостью книжников и фарисеев? Но не во всем этом явился Господь.

Сегодня, как и во времена Илии, как и во времена Христа, внешний, языческий или атеистический мир поражает многим, но прежде всего, своим блеском и шумом. Включаешь телевизор, открываешь новостной сайт в интернете – на тебя обрушиваются и вихри, и землетрясения, и пламень. Не слишком добросовестные журналисты сознательно стараются дать каждой новости наиболее хлесткий заголовок или анонс, и желательно с негативом. Если подать мелкий скандалчик как глобальную катастрофу, читателя такой заголовок зацепит, он щелкнет по ссылке, прислушается на секунду к бубнежке теледиктора – пусть даже суть события его разочарует, но на минутку-другую его внимание будет привлечено, а значит, цель достигнута.

Еще в большей степени это касается рекламы. Сегодня на человека обрушивается такой поток информации, что до него можно только докричаться. Некогда ему объяснять, чем хорош именно этот товар, нужно пощекотать его нервы, задеть в нем самые чувствительные струнки

(например, тщеславие или сексуальный голод), любой ценой его «зацепить». А поскольку зацепок таких всё больше и больше, приходится придумывать всё новые, всё более изощренные и сильнодействующие. Так компания подогретых пивом подростков кричит всё громче, размахивает руками всё шире – каждому надо перекричать остальных. Скажи один из них любую, пусть даже самую важную вещь спокойным, ровным голосом – его никто просто не услышит. Проходит время, они привыкают – и то, что нельзя прокричать, они уже не могут выразить; что превосходит сложностью и глубиной рекламный ролик или музыкальный клип – то неспособны воспринять. «Ну это... я, типа, такая... а он ваще, короче, такой...»

Что с такими делать – отдельная тема, да и нет у меня единого ответа. Но одно могу сказать точно: этому вихрю бессмыслиц нельзя подражать, с этим мозготрясением нельзя соревноваться. Всё равно проиграешь, а если вдруг даже выиграешь, сам тому не обрадуешься.

Но христианские СМИ, христианские блоги да и просто частные разговоры христиан тоже нередко вовлекаются в похожий круговорот. Говорить вполголоса значит не быть услышанным, и потому выбираются самые скандальные темы, приводятся самые жареные факты, даются самые резкие оценки. Ничего, если потом не всё сказанное окажется уместным – по крайней мере, внимание привлечь удалось. А если сама тема разговора очень важна, то, пожалуй, можно и пренебречь побочными эффектами, главное, чтобы люди услышали. Разве не так?

Нет, не так. Даже если не вспоминать о таких понятиях, как пустословие или осуждение (а их границы в крике пересекаются легко и незаметно), такое поведение оказывается просто нерациональным. Перекричать рекламистов и «новостников», равно как и подростков с пивасиком, нам все равно не удастся. С тем же успехом мог бы Моисей взяться за строительство пирамид повыше фараоновых, или апостолы – за сооружение храма пышнее иродова. Если мы сегодня закричали, чтобы нас услышали, то завтра придется кричать еще громче, и послезавтра, и так до бесконечности. Мы втягиваемся в соревнование, которое обречены проиграть.

Есть такое понятие, как «экологичность решения». Порой то или иное решение проблемы оказывается самым выгодным и действенным в ближайшей перспективе, но оно наносит существенный и длительный вред всей ситуации в целом. Например, построили нефтяную вышку, получили прибыль, но на десятилетия загубили окрестную природу. Или другой пример, из лета 2010 года: засыпали пожарный пруд и пустили его под застройку, не обновляли пожарную технику и даже рынду сдали в металлолом – а через несколько лет оказались совершенно беззащитными перед пожаром. Чтобы избежать таких решений, не нужна какая-то особая мудрость, достаточно обычного опыта и здравомыслия. И сдаётся мне, что там, где о Боге начинают кричать, где Евангелие проповедуют путем скандала – там принимают крайне неэкологичные решения, пусть даже и для очень насущных проблем.

Но даже не это главное. Наш мир, оглушенный криком, ослепленный фальшивым блеском, все-таки вспоминает иногда: да ведь было же и еще нечто важное, полузабытое, давнее, детское... И мы, может быть сумеем ему об этом напомнить словами древней нашей Книги: веяние тихого ветра, глас хлада тонка – и там Господь.

3. Паек или благодать?

Рассказывали историю про одну пожилую жительницу Северной Кореи, которая лет пятнадцать назад бежала из коммунистического лагеря и поведала о своих ожиданиях от свободного мира: «США такая богатая страна, что там даже младенцам дают по 800 гр. чистого риса в день!» Государство должно раздавать пайки, чтобы его граждане не умерли с голоду, и в богатом государстве ей будут выдавать пайки побольше, причем чистым рисом, а не ячменем или кукурузой, как давали дома. Ей и в голову не пришла мысль о том, что в этом самом свободном мире пайки выдают только солдатам и заключенным, а все остальные люди зарабатывают деньги, идут с ними в магазин и покупают сами, что пожелают.

Даже теперь, когда в Северной Корее возникло нелегальное частное предпринимательство, работникам таких предприятий тоже выдают... продуктовые пайки. Хозяин отправляет своего помощника на рынок купить там мешок риса, а потом раздает его своим сотрудникам. Проще, конечно, было бы заплатить им деньгами, как во всем остальном мире, но тогда они бы почувствовали себя обделенными: у соседей есть пайки, а у них нет!

Но пайковое сознание не уходит само собой при перемене общественного строя, и когда мы входили в свободный рынок, оно нас оставило не сразу. Рынок, свободу и демократию нам тоже должны были дать откуда-то сверху, по определенной мерке. В принципе, так оно и вышло: раздали всем ваучеры, люди понесли их во всякие фонды... Недавно нам по почте пришло письмо от акционерной компании. Предлагалось проголосовать за решения: выплатить совету директоров вознаграждение в размере более 21 миллиона рублей, а акционерам дивиденды. На одну акцию пришлось, я цитирую, 0,000046791 рубля. Такой вот паек установили владельцы контрольного пакета, и всё строго по закону. Да и с демократией у нас получилось примерно то же самое.

И даже наши самые великие демократы до сих пор нередко мыслят по-пайковому. Как было при Советах? Сдал двадцать кг макулатуры – получи талон на роман Дюма, выдал на гора тонну угля сверх плана – вот тебе путевка в санаторий. И, по мнению В.И. Новодворской, в Евросоюз тоже путевки не просто так дают, надо сдать кого-нибудь в обмен. Сербы вот молодцы, сдали Младича... Это только в Гааге уверены, что суд будет устанавливать его причастность к военным преступлениям, для демократов пайкового образца всё намного проще, всё по-большевицки: враги народа осуждены по определению, надо сдать их куда положено в обмен на путевку в светлое будущее.

Но не будем больше о политике. Как живет человек с пайковым сознанием? Это очень хорошо видно по опыту коммуналок, да и многоквартирных домов. Отношения с соседями он будет выстраивать при помощи графиков уборки общественных мест, взносов на подъездные нужды, а если возникнет спорная ситуация, ни за что не решится напрямую побеседовать, предложить какой-то компромисс. Нет, он будет писать жалобы вплоть до ООН, требуя, чтобы начальство пришло и восстановило попорченную справедливость. Ему достался паек слишком маленький, а соседу – слишком большой, и это вовсе не повод добровольно поделиться. Следует требовать централизованного перераспределения благ, и мы видим это на множестве примеров, от территории лестничной площадки и до нефтегазовых компаний.

Но вырастает новое поколение, которое привыкло не получать, а зарабатывать. И тот, кто вложил в акции не какой-то бессмысленный ваучер, а собственные трудовые накопления, наверное, проследит, куда пошли его деньги и почему они не приносят ему дохода. И тот, кто полжизни выплачивает ипотеку за купленную квартиру, иначе строит отношения с соседями, и тот, кто работает на благо своей страны и своих детей, ждет от государства не якобы положенной ему путевки в Евросоюз, а понятных, справедливых и общих правил игры. Именно таких правил, на основе которых и строился сам Евросоюз, безо всяких путевок от месткома. И я

глубоко убежден, что в России мы справимся с коррупцией и чиновным произволом тогда и только тогда, когда простые люди отвыкнут от взгляда на чиновника как на Великого Распределителя, который раздаёт всем пайки, и надо *подсуетиться* (какое замечательное советское словцо!), чтобы получить 800 гр. чистого риса, а не полкило кукурузы.

Казалось бы, в Церкви не место пайковому сознанию. Христиане верят, что всё получают свыше, благодарят за каждый час своей жизни, за каждый кусок хлеба и за каждую улыбку ребенка. Но это не паек, мы называем это совсем другим словом – *благодать*. Нам ничего не «положено», но нам даётся всё, что нам действительно нужно, и гораздо более того, «ибо не мерою дает Бог Духа» (от Иоанна 3:34) и «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Коринфянам 2:9). Бери, сколько хочешь и можешь взять – только действительно бери.

Всё так и бывает, или должно быть в Церкви, только в Церкви у нас – те же бывшие советские люди, других нет и неоткуда взять. Им трудно без пайка, как той северокорейской крестьянке. Пусть «паек Духа» будет очень-очень большим, и весь из чистого риса, но пусть это всё-таки будет паек, который будут давать, кому положено. Вычитал молитвы по книге, пропостился определенное количество дней – вот тебе Причастие. Отстоял сколько надо на службе, сделал земные поклоны – вот тебе и праздник с разговением. Произнес положенный набор фраз про «простите-благословите», про «смирение-послушание», передал свечку правильной рукой к правильной иконе – вот тебе и почет и уважение окружающих, почетная грамотка «за успехи в воцерковлении».

Я не о том, как меня могут понять, что внешние формы надо немедленно отменить, вовсе нет. Я о том, что их не надо путать с благодатью. Она на то и благодать, что дается даром, просто так, по любви – как и мы детей кормим, поим, и балуем даже не за хорошие отметки, а просто потому, что любим. И все же мы повторяем по-писаному «не обрящещи бо дел отнюд оправдающих мя», но добавляем от себя: зато я вычитал каноны и отбил поклоны. И даже дело не в том, что человека не пустит без этого в Царствие Небесное строгий батюшка или кто-нибудь еще, человек сам себя не пускает. Ведь если это паёк, то надо отработать, надо попасть в какой-нибудь правильный список – а если вот просто так схватить его и убежать, то догонят, отберут и побьют. Не за то побьют, что нарушил волю Отца, а за то, что взял, чего не положено. А вон кто-то берет, кстати... Эй, ты постился, молился, сколько у тебя канон-поклонов? А ну, положь на место! Не положено.

Это многое объясняет в нынешних спорах об очевидных несовершенствах церковной жизни. Для одних важно освободиться от пайковой логики, для других – добиться правильного распределения правильных пайков. Какую оппозицию встречает вопрос, например, о [самой осторожной редакции богослужебных текстов](#) (а о русском богослужении и упомянуть страшно): как, теперь вместо моего любимого риса будут гречку давать? И ответ, что насильно никому ничего давать не будут, что просто предлагается некая новая возможность, отмечается сходу. Либо всем рис, либо всем гречку, и если *лично я* люблю рис, значит, гречка *никому* не нужна, и кричать нужно об этом как можно громче, не то рис отнимут.

Но времена меняются. Еще десять лет назад в Церковь приходили в основном люди, уставшие от бурных девяностых, они хотели понятных гарантий. Потом одни из них разочаровывались и в своих пайках, начинали обличать церковные структуры за их неправильное распределение – а другие с неменьшим пылом объясняли, что как раз всё правильно, ровно 800 гр. отборного риса. Но сегодня всё большую роль начинает играть новое поколение, которое ценит самостоятельность, а в церковной жизни видит не столько свод правил, сколько набор возможностей. Как это прекрасно, поститься и молиться! Не потому, что так добывается допуск к причастию, а потому, что это правильно, хорошо и полезно. Но тогда уж, добавляют они, без шаблонов, каждому по его возможностям и силам.

Мы зачастую пугаемся этой самостоятельности и свободы, да в ней и в самом деле есть, чего пугаться: так можно скатиться к полной неразборчивости и индивидуализму, выстраивая духовную жизнь на потребительский лад: «мне это по вкусу, а вон то нет». Но надо понимать, что пайковое сознание никак не привлекает человека, взыскующего подлинной благодати, пусть даже он еще так мало знает о ней. Что же предложить ему, как говорить с ним – вот, на мой взгляд, один из главных вопросов сегодняшней миссии, да и нашей внутренней церковной жизни, если разобраться.

4. Битвы за чужую святость

С самого начала христианская Церковь была Церковью мучеников. Проповедники других религий и философий могли показывать чудеса аскетизма (как индийские йоги) или углубляться в мистические тайны (как египетские жрецы), они могли быть превосходными ораторами (как древние греки) или могучими завоевателями (как последователи Мухаммеда). Но для христиан не это было главным. Еще от Ветхого Завета, от самого жертвоприношения Исаака, приняли они другое: тот, кто поверил, должен оставаться верным до конца, даже до смерти, и это будет лучшим свидетельством о Том, Кому он верен. Ведь именно такую верность Отцу проявил на кресте и сам Христос.

Поэтому первым и наивысшим среди всех видов святости у первых христиан было мученичество: кем бы ни был человек, проявивший такую верность до смерти, он сразу почитался как святой. Мы знаем, что среди мучеников первых веков даже не все были крещены: случилось и так, что один из мучителей (например, воин, охранявший место казни) добровольно присоединился к мученикам, пораженный величием их подвига. Такого человека Церковь тоже сразу начинала почитать как святого, не смотря на то, что в своей жизни он вообще не был христианином и наверняка совершил множество грехов, в которых просто не успел покаяться, а о добродетелях его нам ничего не известно. Собственно, его шаг вперед к страшной смерти и был отречением от всей его прежней жизни со всеми ее пороками, он был и покаянием, и крещением, и постом, и молитвой одновременно.

Но это самый яркий и понятный случай. В наше время человеку редко предлагают такой выбор: отрекись от Христа и принеси жертву идолу, или умри. Идолы нашего времени требуют жертв не так прямолинейно, а отречение разбивается на множество мелких шажков, и трудно бывает отделить разумный компромисс от начала настоящего падения, и, наоборот, здравую принципиальность – от узколобого фанатизма... А главное, если сегодня убивают человека, свидетельствовавшего о Христе, трудно бывает сказать наверняка, за что его убили. Может, по ошибке, а может, из ревности или мести? Такие убийства или остаются нераскрытыми, или вдруг оказываются случайными: дескать, убийца был сумасшедшим, или он принял свою жертву за кого-то другого. Слишком многим станет неудобно, если окажется, что это действительно хладнокровно рассчитанное убийство за проповедь Христа.

Только сумасшедшим не удастся так хорошо все исполнить и скрыться с места преступления, не оставив улики. Не раскрыты двадцатилетней давности убийство о. Александра Меня и совсем недавнее – о. Даниила Сысоева. Между ними были и другие, но я не случайно поставил здесь рядом эти два имени. Оба были известными проповедниками, обоим не раз угрожали, обоим убили в храме или по дороге в храм – и обоим, судя по всему, не делали формальных предложений принести жертву идолу. Но и без того было понятно, что не принесут. Это мученичество или нет? А как посмотреть...

И люди смотрят. Но эти два священника, столь похоже закончившие свой земной путь, при жизни были очень разными. Их объединяла Церковь, но если мыслить в земных, политических категориях, они были на разных «флангах» церковной жизни. Один отличался широкой взглядов и склонностью к компромиссу, за что иные его считали еретиком и отступником, другой, напротив, настаивал на исключительной правоте собственного вероучения, за что не раз бывал назван узколобым фанатиком. О. Даниил и сам отзывался об о. Александре крайне нелестно.

И вот сегодня заходит разговор о канонизации одного и другого, уже существуют иконы, возносятся молитвы, пока еще сугубо личные, но оттого не менее горячие... Это, в общем-то, нормально, так всегда и начиналось почитание святых. А в остальном, говоря словами раввина Гамалиила (кстати, канонизированного святого!), «отстаньте от людей сих и оставьте их; ибо

если это предприятие и это дело – от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его» (Деян 5:38–39).

Но вопрос зачастую ставится так: вот именно «нашего» батюшку надо канонизировать, потому что он, в отличие от «вашего», и жил правильно, был настоящим христианином. Именно так и говорят порой с обеих сторон. Но ведь это просто нелепо! Оба они умерли не просто в мире с Церковью, но как деятельные ее служители. Оба, очевидно, не были безгрешными и безошибочными людьми, как и каждый из нас, но если смерть была мученической, она смыла все грехи, прояснила все ошибки. Я почему-то уверен, что сейчас (если слово «сейчас» тут подходит) о. Александр и о. Даниил свободно могут беседовать друг с другом. Наверняка о чем-то спорят, порой даже и горячо, но общий язык, не сомневаюсь, у них есть.

Но он есть не у всех их последователей, увы. Сам я, как знает всякий, кто хотя бы немного со мной знаком, считаю одним из главных своих учителей о. Александра (хотя при его жизни мы не встречались) и во многих оценках резко расхожусь с о. Даниилом. Но это мое личное восприятие, пристрастное и неполное. И оно не должно закрывать мне глаза на тот факт, что оба они, судя по всему – мученики за Христа. Если мы, конечно, готовы принять это и не подыскивать более «простых» объяснений вроде сумасшедшего с топором или пистолетом...

А еще я уверен, что многие из мучеников первых веков были странными, неприятными людьми с нелепыми взглядами, мы много бы спорили с ними при их жизни, а то и вовсе отказались бы разговаривать. Но смерть за Христа всему подвела черту, теперь остается только поминать и молиться... или не молиться, если нет готовности и желания, ведь в святцах имен много, и далеко не каждое мы поминаем лично.

И еще стоит задуматься о том, что такое мученичество и святость для нас, не достигших этой меры. Для кого-то чужая мученическая смерть – доказательство собственной правоты. Дескать, я разделяю взгляды убитого, а он святой, значит, и я во всем прав. При таком подходе, конечно, святость человека с другими взглядами – вещь исключительно неудобная, от нее следует защищаться руками и ногами. Но есть ведь и более здравый подход: все люди, в том числе и святые, во многом ошибаются, их правота всегда частична и неполна. Мученичество есть акт беспредельного доверия абсолютной Истине, и мы канонизируем именно эту верность, а вовсе не частичную правоту, которая была у них при жизни.

Собственно, примерно то же самое можно сказать о любом случае сомнительной канонизации, например, той, которая сопровождается языческими по сути обрядами поедания земли с могилы святого и всевозможными сказочными рассказами о его жизни. Жаль, что у нас довольно мало говорится о самой сути новых канонизаций, и церковный народ, по сути, остается наедине с именем прославленного святого и начинает почитать его, что называется, кто во что горазд. На самом деле канонизируется, то есть провозглашается своего рода образцом, отнюдь не всё в жизни человека, и уж тем более не все существующие формы его почитания. Церковь свидетельствует: и этот путь можем привести человека к Богу, причем в случае мученичества это особенно очевидно. Что называется, происходит это прямо на наших глазах.

Но если такой путь тоже приводит к Богу, это еще не значит, что приводит к Нему только такой путь и никакой иной, или что все мы должны немедленно ступить ровно на этот путь. В конце концов, у людей разные характеры, не говоря уже про семью, образование, профессию, род деятельности. Одному свойственна горячность и прямолинейность, другому – рассудительность и неторопливость, и так далее. Среди святых мы встретим всяких людей, потому что Царствие не закрыто ни для кого.

Банальности? Да. Но о них приходится напоминать, когда видишь словесную битву за чужую святость, а в особенности – против нее. Сражаться за святость нам всем необходимо, но полем битвы тут может стать только наше собственное сердце, собственная жизнь. И мученическая смерть за Христа, в конце концов – самое достоверное свидетельство, что в этой битве

одержана окончательная победа. Собственная мученическая смерть, если Господь тебя сподобит и сам ты решишься – но никак не чужая.

5. С двух сторон аналоя

В советские времена (я еще их застал) Церковь по Конституции имела право «отправлять религиозные обряды», и только. Это атеизм можно было пропагандировать и распространять, религию – ни в коем случае. И потому легальных способов поговорить с людьми о Боге у священника было ровно два: проповедь и исповедь. Домашние чаепития, конечно, тоже имели место, но на них всех не пригласишь, да и то могли пришить какую-нибудь «антисоветскую агитацию». Впрочем, и проповеди внимательно выслушивались, кем надо, и при необходимости куда надо о них доносилось. Напомню, что Библией или молитвословов не было в свободной продаже, да и в библиотеках они были в спецхране (помню, как студенты МГУ порой специально выбирали такие темы дипломов и курсовых, чтобы получить допуск к Библии!)

Оставалась исповедь. Она была не просто таинством отпущения грехов и примирения с Церковью, но и возможностью свободного разговора о Боге и человеке. Именно там мирянин мог задать важнейший вопрос, а священник – сказать ему то, что он не посмел бы произнести перед всеми. И такой разговор не мог состояться практически нигде, кроме как у аналоя.

Времена изменились, но Церковь – очень консервативный институт, поэтому практика исповеди меняется медленно и далеко не везде. И вот с одной стороны аналоя – прошедший определенную выучку священник, который не знает, как можно по-другому, и боится что-то в привычном ритуале изменить: а вдруг тогда разрушится всё? А кроме того, он – ведь так положено, так написано! – зачастую старается быть не «точию свидетелем», как сам говорит исповедующемуся, но обязательно духовным отцом, руководителем и наставником. В том числе и для человека, о котором он практически ничего, кроме перечисленного списка грехов, не знает, который его об этом наставничестве не просит. А в худшем случае священник отчего-то уверен, что, надевая епитрахиль, он слагает с себя человеческие немощи и страсти, а потому его рекомендации абсолютны, его оценки не подлежат сомнению, а его власть «вязать и решить» должна пониматься чуть ли не в полицейском смысле.

А с другой стороны аналоя – зачастую человек, который именно этого и ждет. Один из героев Н.С. Лескова, «Несмертельный Голован», приходя на исповедь, говорил священнику: «Посрамите меня, батюшка, что-то себе очень не нравлюсь». Сюда можно добавить: посоветуйте мне, объясните мне, поддержите меня, поучите, утешьте, пожалейте... да просто выслушайте и поговорите со мной! Стоит ли уточнять, что всё это не имеет прямого отношения к основному смыслу исповеди? Но объявить это лишним тоже никак не получится. Если в Церкви человек не находит поддержки и утешения, то зачем ему такая Церковь? И Церковь ли это вообще? В конце концов, о Боге можно и в книжке прочесть, помолиться можно и дома, крестный ход – его по телевизору куда удобнее смотреть, чем вживую.

Только ведь на самом деле совет или утешение не обязательно получать от священника – чтобы его преподать, не требуется ни рукоположение, ни епитрахиль. Более того, если священник совсем молод, или характер у него непростой, или просто он слишком занят, то он явно не лучший кандидат в советчики или утешители. Наверняка в любом приходе найдется человек, готовый выслушать и поговорить. Но вот когда ты приходишь в храм... к кому подойти, кого попросить, с кем поговорить по душам – это очень большой вопрос. А тут стоит у аналоя настоящий, живой батюшка, который вроде как «принимает население по личным вопросам». Называется это «исповедь». Вот как удобно!

Но люди бывают разных типов. Кому-то очень важна вот эта психологическая составляющая, а кому-то, напротив, не хочется ощущать себя маленьким ребенком, которого то ругают, то жалеют, называя этот подход «духовничеством». И такой человек может отойти от исповеди, а заодно и от Церкви, всерьез и надолго просто потому, что опыт исповеди оказался ему слишком травматичным. Таких примеров есть немало. Да, в грехах каяться всегда непри-

ятно, куда приятнее бывает хвалиться достижениями – но этот стыд человек все же преодолел, раз к аналою подошел. Значит, что-то не сложилось у него в беседе с самим священником, не удалось вписаться в предлагаемую схему. Но может быть, тогда надо разнообразить эту самую схему, если прежняя становится для кого-то неудобноносимым бременем?

И дело тут далеко не только в частоте, обязательности и т. д. Это всё детали технические, это выяснится по ходу дела, если разобраться с самой сутью. Дело скорее в настрое: чего ждут не только от Бога, но и друг от друга два человека, стоящих у аналоя: один в епитрахили, другой со склоненной головой? Ощущают ли они, что их не двое, что есть между ними Христос, и есть церковная община, к которой они принадлежат, которой они небезразличны? И если да, то она могла бы немного их разгрузить: предложить какие-то другие формы внутрприходского общения, не связанные с таинством покаяния. Уже давно не советские годы, можно собираться, обсуждать что-то, делиться горестями и радостями, друг другу помогать... Слишком редко нам это удается.

Я с некоторым смущением читаю рассказы (в основном, женские) о «поездках к старцу». Вот, собралась христианка в дорогу, доехала до места назначения, выстояла службу, среди толпы дожидалась старца, он вышел, что-то ей важное сказал, и она, окрыленная, уехала. Всё, вроде бы, хорошо... только что же тут христианского, где же тут Церковь? Если бы она ездила не к схимонаху, а к ламе, мулле, раввину, да хоть шаману – рассказ бы не сильно отличался, только названия у обрядов и святых мест были бы другими. Поехала к некоему святому и мудрому человеку за ответом на свой личный вопрос – и получила его. И лично ей достаточно.

Я бывал только у одного человека, которого могу назвать старцем – у о. Виктора (Мамонтова) в Карсаве, в Латвии. Приводя этот пример, я понимаю, что о. Виктор – человек совершенно особенный, и нельзя ждать, чтобы все священники уподобились ему, как нельзя от всех поэтов потребовать, чтобы они сравнивались с Пушкиным. Но один очень важный урок, мне кажется, мы все можем извлечь... Впрочем, судите сами. Летом к нему приезжали многие, но что поражало с первой минуты – он не спешил с индивидуальными беседами и ответами. Люди собирались вокруг него – но там они и встречались друг с другом. Начинали вместе молиться, общаться... На утрени вдруг звали новоприехавшего на клирос и давали читать каноны, показывая пальцем по книге, откуда и докуда, и даже проповедовал на литургии не только батюшка, но и миряне. После службы люди могли собраться на беседу и говорили, говорили, а зачастую и спорили друг с другом – о. Виктор молчал, вовсе не торопился, как многие священники, немедленно подвести все итоги и расставить все оценки. Говорил только в самом конце, совсем кратко и немного...

Это были очень простые и домашние слова, а не какие-то великие духовные истины, которых от него ждали многие, в том числе и я. Но истина заключалась в другом: мы, пришедшие к нему одному, встречались не только с ним, но и друг с другом. Мы начинали слышать и слушать друг друга. Мы, в конце концов, получали ответы на те вопросы, с которыми приезжали – или вдруг понимали, что вопросы эти не так уж и важны. Но в любом случае это происходило не в какой-то особо торжественный момент у аналоя, а просто в ходе нашей жизни. Это действительно была жизнь в Церкви...

А исповедь – да, была и исповедь, долгая, подробная, внимательная. Но это была просто исповедь, не более и не менее того, и тем она и была прекрасна.

6. Парадоксы нашего поста

«Обед весь постный-постный! На перво жиденька овсянка с луком, грибовница с крупой, лукава похлебка. На второе: грузди жарены, брюква печеная, солоники – сочни-сгибни с солью, каша с морковью и шесть других разных каш с разным вареньем и три киселя: кисель квасной, кисель гороховой, кисель малиновой... А время идет да идет. За послеобеденным кипяточком с клюквой да с пастилой и паужне черед пришел. Вздохнула купчиха, да ничего не поделать – постничать надо! Поела гороху моченого с хреном, брусники с толокном, брюквы пареной, тюрю мучной, мочеными яблоками с мелкими грушами в квасу заела. Ежели неблагочестивому человеку, то эдакого поста не выдержать – лопнет».

Так писатель С. Писахов [описывал пост](#) некоей купчихи. Мы, конечно, эту карикатурную купчиху разгромно обличим: скажем, что пост заключается не только в перемене блюд, но и в сокращении их количества. И что кулинарные изыски тут неуместны. И вообще, дело не в груздях и брюкве, а надо накормить голодного и самому не есть человек. И главное тут настрой духа, а не пища, и...

И всё равно каждый год во всех православных СМИ подробнейшим образом после всех этих правильных слов обсуждается постное меню, и поминается монастырский устав, и отдельно разъясняется, что не надо всем подряд ему следовать. Разговор у посте все равно у православных сводится к бесконечному перебору «это себе позволю» и «от этого воздержусь», прежде всего в отношении пищи, хотя, конечно, речь заходит и о развлечениях, и о супружеской жизни, и о многом ином.

Вообще-то это хорошее нам всем напоминание, насколько зависим мы от этой самой пищи. Какими бы духовными мы себя ни считали, а желудок определяет наше поведение и самочувствие куда сильнее, чем нам кажется – вот одна из простых истин, которым учит нас пост.

Но купчиха вместе со всеми нами, похоже, забыла еще кое о чем важном. Посты существовали еще задолго до христианства, и христиане с самого начала к ним прибегали, следуя словам Спасителя «придут дни, когда отнимется у них Жених, и тогда будут поститься» (Матфей 9:15). Тогда постившиеся просто ничего не ели, как правило, в течение одного дня. Но вот эта идея постного стола с брюквой и груздями – она как раз появилась позднее. Об этом около ста лет назад [рассказал священномученик Иларион \(Троицкий\)](#), и затем, уже ближе к нашему времени, [напомнил о. Александр Шмеман](#). Но их голоса, что удивительно, остались практически не услышанными: мы со всеми своими рассуждениями зачастую оказываемся ближе к той купчихе, нежели к ним.

Церковь первых веков знала тот же пост, что мы встречаем и в Ветхом Завете: полное воздержание от пищи. В этом смысле пост у мусульман, когда верующие вообще ничего не едят и не пьют в течение всего светлого времени суток, по форме гораздо ближе к тому самому древнему посту. Кроме того, христианский пост был по природе своей евхаристическим, т. е. верующие воздерживались от еды и питья во время той самой разлуки с Женихом, о которой говорил Христос. Встреча с ним, которая происходила на Евхаристии, и была завершением постного дня.

Как напоминает нам о. Александр, «являясь таинством присутствия Христа, Евхаристия – это пир Церкви, и более того, Евхаристия – это Церковь на Пире и, следовательно, мера и значение всех пиров». Если устав предписывает совершать Великим постом литургию Преждеосвященных даров вечером (чего сегодня практически нигде не делают), это и означает пост с самого утра и до литургии, но уже никак не после нее. Поэтому в большие праздники литургию в древности совершали ранним утром, после всенощного бдения (которое действительно было ночным), а в меньшие праздники – поздним утром, создавая тем самым более продолжитель-

ное время для «предвкушения пира», т. е. поста. А в постные дни, соответственно, богослужение совершается вечером, и предвкушение получается самым долгим.

Именно по этой причине служба в воскресные дни Великого поста так похожа на рядовые воскресенья: воскресный день просто не был в древности постным. А вот в Великую Субботу литургия служится по уставу после вечерни, т. е. вечером – к сожалению, в нашей практике уже давно всё сместилось.

Однако никто из нас не ходит на литургию каждый день, и даже каждую неделю ходят далеко не все. Поэтому нет ничего удивительного в том, что тесная связь между постом и евхаристией достаточно оказалась нарушенной: христианам надо было как-то поститься, значит, пришлось изобретать правила поста, не зависящие от Евхаристии напрямую. Пост становился подготовкой не к вечернему богослужению, а к празднику, который наступал еще через несколько недель...

Так возникли правила многодневных постов. В древности уставы были куда более разнообразны, нежели теперь, но общий принцип был понятен: люди отказывались от пищи самой дорогой, самой вкусной и самой плотной – прежде всего, конечно, от мяса. В результате, как пишет св. Иларион, «с течением времени понятие о посте было, так сказать, подменено понятием постного», причем, что поразительно, первыми произвели эту замену еретики-монтанисты, которые ввели у себя многодневные посты с сухоядением (отказом от любой приготовленной пищи).

Это, конечно, совсем никак не означает, что нынешние правила поста с отказом от мясного и молочного, а при строгом посте и от рыбного, чем-то плохи и должны быть заменены на другие. Вовсе нет. Даже если изначально какая-то деталь церковной жизни была изобретена вовсе не святыми отцами, но отцы ее приняли и сделали своей, нас это не должно смущать. Но этот исторический экскурс показывает, что правила эти вовсе не абсолютны, что они зависят от конкретно-исторической ситуации и в принципе могут быть и пересмотрены.

Поэтому нет ничего удивительного или скандального в том, что покойный Патриарх Сербский Павле, сам человек святой и аскетичной жизни, [выступал за существенное смягчение](#) правил поста для мирян. Собственно, в этом нет никакого новшества – он всего лишь предложил вернуться к тому многообразию постных практик, которое мы встречаем в истории Церкви.

Но самое главное, что разговор на тему «что есть, а чего не есть», он вообще тут второстепенный. И не потому только, что смысл поста вовсе не в гастрономии – это, конечно, так, но мы слишком легко это повторяем, слишком легко представляем себя такими титанами духа, которым нет никакой разницы: что сочная котлета, что сухая корочка. Один-два дня, может быть, и нет, а за сорок дней очень хорошо эта разница ощущается, так что разговор о конкретном меню будет совсем не лишним.

И все-таки первичный смысл поста – молитвенный, литургический, евхаристический. Сегодня вполне обыденна ситуация, когда в пост человек выбирает себе особое меню, ходит на некоторые церковные службы, молится дома – словом, создает себе сам или по согласию с духовником некий индивидуальный ритм духовной жизни. Но из такого поста полностью уходит общинная, евхаристическая направленность, о которой [так много и горячо писал о. А. Шмеман](#). Ведь пост – это не просто упражнение в личном благочестии, но дорога к Пасхе, главному для Церкви событию года и всей нашей жизни. А мы вместо попытки пройти этот путь, по слову о. Александра, «удовлетворяемся великопостным символизмом». И жареными груздями с печеной брюквой, конечно.

Дело, опять-таки, не в том, чтобы отходить на все богослужения, вычитать все молитвы. Такое действие тоже может быть формальным и бессмысленным, как показал в рассказе [«Мирное житие»](#) А. Куприн. И тогда слова Триоди «постимся постом приятным, угодным Господу» перестают пониматься в том духе, что наш пост должен быть угоден, приятен Господу

– нет, приятности ищем для себя самих. Для кого грузди вкусны, для кого молитвы сладкозвучны, а кому и похудеть пора, оздоровиться, духовность, опять же, «подкачать»...

Пост совсем не про это. А про что он – я лучше Шмемана всё равно не скажу. Тем более, что тут никого уговорить не удастся, подлинный его смысл каждый может открыть только для себя, в свете грядущей радости Христова Воскресения.

7. Пост в купальный сезон

Вот и закончился Петров пост, можно подводить его итоги. Но я сейчас не о духовных вопросах, а скорее об очень земных, практических. На какой бы день ни приходилось начало этого поста, но завершается он всегда в один и тот же сезон: купально-отпускной. Православная общественность (в основном, дамская) в очередной раз уточняет степень православности своего внешнего вида: можно ли ей пользоваться обычными купальниками, или требуются какие-то особые, и если особые, то какой именно длины, и не слишком ли тогда эти купальники будут походить на мусульманские? Тут же, конечно, всплывает тема юбок и платков...

Людям свойственно беспокоиться о том, как они выглядят, встречают-то нас действительно по одежке. Но есть и еще одна православная подробность, о которой как-то не принято говорить вслух: а как нам поститься в отпуске?

Это, на самом деле, совсем нетрудно, особенно Петровым постом. На адриатическом берегу Черногории, где я пишу эти строки, полным-полно фруктов, в любом кафе можно заказать на обед рыбу или морепродукты. Только цена будет соответствующей: порция постного жареного осьминога стоит в три-четыре раза дороже, чем простое «дежурное блюдо», которое, конечно, включает для сытости мясо. А вино... воздержаться вроде бы нетрудно, но это ведь классика жанра: усыпанное звездами южное небо, шелест прибоя, дружеская беседа на набережной или балконе за стаканом доброго вина.

Народ, конечно, находит выход из положения, записывая себя в «путешествующие». Подходя формально, так оно и есть: мы не дома, так что заниматься готовкой постных блюд слишком хлопотно, а наестся одними фруктами не всякому удастся (да и желудок протестует). Так что есть причины вести себя «по-походному». Но если задуматься, то это ведь тоже не совсем честно: послабления для путешественников были введены в те времена, когда сами путешествия были долгими и непредсказуемыми, а от путников требовалось немалое напряжение физических сил. Да, таким путникам не обойтись было без мяса.

А нам без осьминогов? Тут вот и задумаешься, насколько вообще пост совместим с отпуском, если подходить не формально. Отпуск, по самой своей сути – время отдыха, расслабления, общения. Время праздника. А пост – это ровно наоборот, и перемена меню тут мало что изменяет. В результате носим православные купальники, едим в кафе *frutti di mare*, – и все это стоит дороже, выглядит изысканнее. Возникает, и не только в отпуске, целая субкультура, «православный гламур»: обмен рецептами и фотографиями, реклама соответствующих товаров. Всё по благословению батюшки и рекомендациям журнала «Cosmopolitan».

Конечно, каждый может выбрать себе стиль жизни по вкусу, и я вовсе не хочу осудить тех, кто выбирает такой стиль. Мне он совсем не близок, потому что в христианстве я привык видеть принципиальный отказ от следования духу сего суетного века. Когда сарафаны и косоворотки были одеждой простого народа, их ношение не означало ровным счетом ничего, но сегодня это утонченное стилистическое решение, своего рода вызов толпе, одетой в джинсы и свитера. Хочешь такое носить и питаться в начале июля осьминогами – на здоровье, это красиво и вкусно. Но православие тут, на мой взгляд, не при чем, оно про что-то другое.

Впрочем, и пост не сводится к кулинарным ограничениям, как мы старательно себе напоминаем перед началом каждого поста (и потом все равно 9/10 наших постных усилий сводятся именно к ним). Дома у большинства православных есть привычные храмы и батюшки, а у многих на примете и такие, к которым «ни ногой»... А вот в отпуске – пойдешь ли в незнакомый приход, где свои порядки и обычаи, где еще не известно, как примут? Подойдешь ли на исповедь к священнику, которого видишь в первый раз в жизни, да еще если он говорит на ином языке? Вот такая ситуация и позволяет нам понять, чего именно мы ждем от богослужения, насколько оно нам вообще необходимо.

Наверняка непросто и тем священникам и прихожанам, которые служат в курортных местах: как принять всех этих чужаков со своими привычками и ожиданиями? Но в их положении я никогда не был, так что сказать про него ничего не могу. Только отмечу, что одно из самых ярких и светлых впечатлений от Черногории – это неожиданной теплый, даже, можно сказать, горячий прием, который мы встретили в первой попавшейся церквушке. Может быть, дело еще и в том, что мы были «руси, братски народ» – но наверняка не всё тут определялось национальностью. В такие моменты действительно начинаешь понимать те высокие слова о Церкви и Царствии, которые мы так легко произносим, но которые, увы, далеко не всегда находят соответствие в прозе нашей жизни.

Служба, которая велась одновременно и на сербском, и на церковнославянском языке (и никто не смущался!), в каких-то деталях отличалась от нашей, равно как и убранство храма. Например, в сербской церкви сразу бросится в глаза национальный флаг на видном месте, а после исповеди тебе предложат поцеловать крест и епитрахиль (вместо наших креста и Евангелия). С одной стороны, эти различия только подчеркивают единство в главном, а с другой – заставляют задуматься о смыслах, которые несут в себе все эти символы.

Может ли отпускная поездка оказаться духовным путешествием, если мы не отправляемся в паломничество к святыням, а банально едем загорать и купаться? Может, безо всякого сомнения, и далеко не только в пост. Мы вырываемся из привычной обстановки, и тут самое время понять для себя самих: в чем именно заключается наше христианство? Все эти бесконечные частные вопросы: какой купальник надеть, что заказать в кафе, куда пойти в праздничный день, – они ведь отражают какие-то главные ценности на практическом, повседневном уровне. Что есть наше христианство, как высокие идеи сочетаются с бытовыми подробностями, и как нам сохранить одно и не утратить другое – это наш вечный вопрос, и кто сказал, что в отпуске он теряет свою значимость?

Освободившись от повседневной рутины, как раз и находишь время и силы всерьез задуматься о самом важном. Пост, как и отпуск – самое время для этого.

8. Вопросы не о богослужебном языке

В 2011 году Патриарх пригласил на Страстную и на Пасху в Москву делегацию молодых христиан из Европы, их принимал в том числе и наш приход. В самом деле, трудно найти другой способ всего за несколько дней показать человеку глубину, красоту и мощь русского Православия. Да мы и сами сознаем: много у нас всяких неурядиц, но когда подходит Страстная и мы собираемся в храмах, вспоминая спасительные страдания, когда готовимся встретить Воскресение – тут высшая точка нашего христианства, и собирает нас, конечно, богослужение.

Впрочем, и в другие дни обычным ответом на любые вопрошания часто становится «неукоснительное посещение богослужений». Что вообще должен делать в жизни христианин, чем отличается он от других людей? Тем, что ходит в храм, постится и молится дома. Как поступить в сложной ситуации, как найти верный выход? Сходить в храм, поститься и молиться. А что делать, если само богослужение бывает для кого-то непонятным и утомительным? Ну, надо чаще (вы уже поняли!) ходить в храм, и дома тоже поститься и молиться. В самом деле, все остальные вещи спорны и неоднозначны, а тут заранее известно, что и как происходит, устав всё предписывает, а мы следуем ему и всё понимаем. Или не очень следуем... и не очень понимаем?

Об этом невольно начинаешь задумываться как раз на великолепных службах Страстной. Мы с одиннадцатилетним сыном зашли на службу Двенадцати Евангелий в ближайшую к дому и потому непривычную церковь (да, у жителей мегаполиса часто выходит именно так, свой храм далеко, а соседний – он случайный). Священник размеренно читал нараспев, ему отвечал хор, но акустика была не очень хорошей. «Столп злобы Богопротивныя Божественнии отроцы обличиша; на Христе же шатающееся беззаконных соборище советует тщетная, убити поучается живот Держащаго дланию»... из всего этого ухо выхватывало только отдельные слова, они звучали торжественно и создавали торжественное настроение. Сын торжественность оценил... но получаса ему вполне хватило. И даже если бы исполнялось это чтение артистом Малого театра в идеальных условиях, скажем честно – кто из взрослых, не говоря уже о детях, поймет на слух подобные фразы? И даже если придет в храм двадцать раз подряд – заучит эти слова наизусть раньше, нежели расшифрует их значение. Одна знакомая гречанка сказала мне, что греческий оригинал тут понимается гораздо легче, чем буквальный и тяжеловесный славянский перевод. В славянском, например, нет артиклей, которые в греческом помогают понять, что с чем согласовано и к чему относится.

Вот и опять, подумает читатель, завожу я речь о переводе богослужения на современный русский язык. На самом деле, [я об этом уже писал](#) полтора десятилетия назад, и к сказанному тогда мне нечего добавить сегодня, разве что ссылки и примеры можно было бы привести посвежее. Но речь в таких разговорах на самом деле идет не совсем о богослужебном языке, или даже совсем не о нем. И без споров ясно, что церковнославянский понятен нашим современникам лишь отчасти и что в идеале всякий молящийся должен ясно понимать смысл молитвы, а не просто произносить благочестивые звукосочетания, и что поголовной ликвидации славянской неграмотности не случилось за первые двадцать лет церковной свободы и вряд ли стоит ожидать ее в ближайшем будущем. С другой стороны, реформы дело тонкое, и может выйти только хуже – это тоже ясно.

Но споры о богослужебном языке ведутся так упорно и горячо как раз потому, что речь идет здесь скорее о месте Церкви в нашем обществе и в этом мире, о ее смысле и назначении здесь и сейчас, применительно лично к нам. Правильные ответы можно найти в катехизисах, но они будут слишком общими и мало помогут. Может быть, отчасти потому, что сами вопросы обычно не проговариваются вслух?

Я постараюсь сейчас сформулировать некоторые из тех вопросы, которые мы, на самом деле, обсуждаем, говоря о языке богослужения. Ответов на них у меня нет, и я уверен, что дать простой и однозначный ответ на любой из них сейчас было бы просто невозможно: слишком разными бывают люди и ситуации. Рассуждать об идеалах, конечно, можно до бесконечности, и зачастую подобные разговоры и сводятся к перечислению абстрактно правильных формулировок. Но в этом не видно большого смысла. А вот если вернуться к российским реалиям начала XXI века, вопросы я бы задал такие:

1. Чем мы вообще руководствуемся в своей богослужебной практике? Наступает пост, достается с полки Триодь... и вот мы служим вечером утреню, утром вечерню (в том числе и литургию преждеосвященных), а часы либо не служим вообще, либо «приклеиваем» их все разом к той самой утренней вечерне. Это что угодно, но это не устав, и даже не сокращение его, а какая-то серьезная адаптация. Но насколько можно, насколько нужно перерабатывать устав? И насколько железобетонным и нерушимым является этот нынешний порядок, который мы привычно называем словом «обиход»? И, соответственно, кто и как вправе всё это менять, и ради каких целей?

Я был один раз в монастыре, где служили действительно по уставу, семь раз в день: утреня утром, часы в положенные часы, литургия, вечерня, полунощница... монахам до церкви было не больше пяти минут ходу, и это действительно была жизнь, наполненная молитвой. Но каждая служба при этом была совсем не длинной и не утомительной, и вполне уставной – по бенедиктинскому уставу. Это была обитель Св. Мартина в Лигюже, во Франции. Понятно, что в приходских церквях и во Франции никто не служит семь раз в день, и вообще горожане даже единожды в день до храма не всегда добираются. Вот и возникает желание отслужить разом всё, что положено, «залпом». А прихожане уж на что попадут, уж сколько выстоят, столько им и достаточно. И, соответственно, что сумеют понять, то и поймут, и хватит с них.

2. Но тогда для кого сберегается всё это богатство византийской гимнографии? Когда писались наши прекрасные каноны, тропари и стихиры, большинство населения было неграмотным, книги были редки и дороги. Для простого человека была одна возможность ликвидировать свою богословскую безграмотность: прийти на службу и выслушать, что читается и поется. Именно поэтому многие ключевые песнопения повторяются по два или три раза, в них постоянно раскрываются одни и те же догматы веры. Но сегодня всё поменялось: богослужение понимается плохо, и прихожанам советуют... наоборот, прочитать сначала дома текст службы, желательно с переводом и комментарием, чтобы его понимать. И на службах Страстной всё больше в храмах людей, которые следят за службой по книжке.

Так для кого всё это читается или поется? Для прихожан? Но они понимают плохо, если заранее сами не прочитали текст. Для Бога? Он вряд ли нуждается в наших напоминаниях. Для священника, чтеца и хора? Или просто для порядка?

3. А отсюда возникает следующий принципиальный вопрос: кто у нас за богослужением прихожане – клиенты клира или полноправные участники? Многих вполне устраивает пассивная позиция: в храме совершается положенное священнодействие, там знают, как надо, наше дело – просто прийти и отстоять службу. Если получится вникнуть в текст, хорошо, а если нет, тоже не страшно. Главное, чтобы богослужение состоялось и мы на нем присутствовали.

Нельзя не увидеть ущербность этой позиции... но с другой стороны, а что еще можно предложить человеку, от которого, собственно, ничего и не требуется, кроме внутреннего настроения? Несколько раз довелось мне бывать в храмах, где прихожан запросто приглашали почитать канон на утрени, или часы, или молитвы. Кого угодно, даже если люди сбивались, даже совсем новоначальных, читавших прямо по книге «Слава, и ныне» или «Господи, помилуй сорок раз». Эти люди становились из зрителей соучастниками, зато страдали плавностью и великолепием богослужения. Что важнее?

4. Соответственно, надо ли вообще прихожанам вникать в богослужение, или пусть «душа с Богом беседует напрямую», как сформулировал это один человек? Тогда как раз малопонятный, но торжественный фон очень полезен: настраивает на соответствующий лад, но в то же время оставляет простор для такого вот собеседования. Неважно, что человек не понимает точного смысла прочитываемых слов, важно, что он проникается их настроением. И в самом деле, если в слова вдумываться, придется как-то реагировать на них, что-то менять в своей жизни. Настроенческое собеседование, конечно, проще, потому что никого ни к чему не обязывает.

5. Но если все же вдумываться в тексты, то возникнет следующий вопрос: должна ли византийская образность и обрядность в своей культурно-обусловленной части сохраняться для всех и навсегда? Догматы нашей веры не меняются, но меняется мир, в котором мы живем. Когда-то образы и подобию, взятые от византийского двора, объясняли невыразимое, сегодня они сами нуждаются в объяснении (классический пример – выражение «ангельскими невидима дориносима чинми», изображающее ангелов в виде дворцовой стражи). Пока эти образы прикрыты полупрозрачной занавесью славянского языка, пока они способствуют созданию торжественного настроения, всё в порядке. Но как только мы захотим понять их смысл и выразить его на современном русском языке, мы увидим, что понимание тут невозможно без какой-то серьезной культурной адаптации. Что же делать: обучать прихожан тонкостям византийского придворного ритуала (но тогда и славянский выучить им будет нетрудно), или заменить византийские реалии какими-то другими (но тогда уже потребуются не перевод, а создание новых текстов)? Оба решения вызывают немало возражений.

И принятие любого из них, конечно, в конечном счете, потребует от нас какого-то внятного ответа на вопрос, что есть Православие, как сочетаются в нем византийские ризы с евангельской простотой, средневековые обряды с вечной актуальностью, особые культурные формы с вселенским призванием. И как сочетаемся со всем этим мы, такие разные, с такими несхожими потребностями и запросами... Уже говорилось не раз, что нынешний «обиход» ориентирован в основном на немолодых женщин без высшего образования, которым нужно не точное понимание, а возвышенное настроение, которые склонны довериться в богословских вопросах клиру и удовлетвориться решением вопросов бытовых. Конечно, так сложилось исторически: в советское время именно пенсионеркам не мешали ходить в храм, вот они и вынесли всё на своих плечах, вымолили новую свободу, сберегли огонек веры для будущих поколений. Но есть тут и другая причина: с такими женщинами клиру намного проще, чем с другими категориями прихожан. Они и вопросов лишних не зададут, и батюшку накормят-напоят, и сами заставят равняться на себя молодых да слишком умных. Вот, видимо, главная причина, по которой воспроизводится этот образец и в наши дни, хотя нынешние пенсионерки в советское время в церкви не бывали, а нынешние молодые батюшки его и вовсе не застали, кроме как в детсадовском возрасте.

Еще раз повторю: я не знаю, как решать все эти вопросы, и никто, по-моему, не знает этого наверняка. Но я уверен в одном: общих решений нет и быть не может, слишком разные у нас приходы, настоятели и прихожане. И поиск решений должен проходить, по моему разумению, по пути, указанному в древние времена Св. Викентием Лиринским: «в главном единство, во второстепенном свобода, во всем – любовь». Напомню, что именно эти слова произнес во время своей интронизации Патриарх Кирилл. Ничего не будет страшного в том, что в одном храме будут служить не совсем так, как в другом, что вопросы эти будут решаться несколько по-разному (да уже сейчас так и происходит, на самом деле), если при этом мы все будем помнить о том главном, что нас объединяет, будем хранить верность и любовь.

Слишком часто происходит у нас так, что внешним единообразием стремятся прикрыть глубокие внутренние расхождения и противоречия, не говоря уж о подмене любви всевозможными «послушаниями» и «смирениями». А потом вдруг обнаруживается, что кто-то уходит

в открытый раскол, а кто-то, оставаясь в рамках единого церковного организма, фактически перенимает раскольничью психологию и себя почитает столпом и утверждением истины, а всех несогласных – еретиками. И тут уже неважно, кто на каком языке молится, кто как относится к византийской обрядности, и что вообще думает по второстепенным вопросам.

«Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» – так сказал еще апостол Павел (1 Коринфянам 11:9). Между прочим, слово, которое переведено здесь как *разномыслия*, по-гречески αἱρέσεις, стало впоследствии обозначать *ереси*. Вот и читай эти слова апостола как хочешь: то ли как призыв к братскому обсуждению своих разномыслий в духе взаимопонимания и любви, то ли как призыв к обличению нечестивых еретиков, лично со мной несогласных. И никак нам тут в рамках лингвистики не удержаться – не о языке это вопрос, а о вере, надежде и любви.

9. Возвышенность языка

Самый первое произведение греко-римской античности, в котором упомянута Библия (еще только Ветхий Завет) – это трактат «О возвышенном», написанный неизвестным автором около 50 г. н. э. Среди прочих примеров возвышенного стиля там приводилась и книга Бытия. Можно, конечно, удивляться, почему о Библии греки и римляне впервые заговорили с точки зрения стиля, а не содержания, но ведь это не так уж и странно, если разобраться. Вникнуть в суть этой книги, услышать весть о Едином Боге и о сотворенном Им мире – это достаточно сложно и ответственно. А вот оценить стиль, его величавость и красоту – для этого не нужно особого труда, да и не обязывает такое признание ни к чему. Сказать «книга Бытия проповедует нам Единого Бога» значит встать перед самым серьезным выбором: поверить в этого Бога и изменить свою жизнь, или отвергнуть эту весть. А вот сказать «ее язык возвышен» можно без таких серьезных последствий.

Нечто подобное происходит и сегодня. Нередко люди ценят в Церкви и во всем, что к ней относится, прежде всего возвышенность, неотмирность. Когда заходит речь о возможности перевода богослужения на русский язык, единственный, по сути, аргумент, который выдвигается против – это как раз необходимость сохранять для общения с Богом особый язык, который само по себе включал бы молящихся в церковную традицию и не был бы «испорчен» повседневным употреблением. Аргумент всего один, но для тех, кто его выдвигает, он побеждает и любые другие соображения. Примерно то же самое касается и переводов Библии на русский и другие языки: их допустимость признают сегодня все (еще полтора-два века назад это было не так), но главная и зачастую единственная претензия, которая выдвигается ко многим новым переводам, касается как раз обыденности языка. Писание не должно звучать как обычное художественное произведение, ему подобает свой, священный стиль, – говорят критики.

Насколько справедливы подобные утверждения? Трудно сказать однозначно. С одной стороны, всё, что относится к области священного, всегда и у всех народов отличалось от обыденного. Собственно, в Библии слово «святой» изначально и значило «избранный, отделенный для Бога». Так и на нашей литургии возглас «святая святым» вовсе не говорит о личной святости всякого, кто принимает причастие, но скорее о том, что в храме собрался Божий народ, и что происходящее здесь отличается от любых событий за его стенами. Храмовые облачения не похожи на повседневную одежду, а чаша с дарами – на обеденную посуду. Вполне естественно, что и священные тексты будут непохожи на повседневную речь.

Но возможна и другая ситуация – мы с ней встречаемся обычно в музее, хотя и в действующем храме такое тоже бывает. Церковная утварь, облачения или архитектура могут оказаться настолько ценными, что их просто перестают употреблять по прямому назначению, чтобы они не испортились и не обветшали; чашу могут вынести, показать – и унести обратно. Священные предметы помещают в особое место, где они будут сохраняться в неприкосновенности, и не всегда к таким реликвиям открыт доступ. Они уже настолько отделены от повседневности, что просто не соприкасаются с ней.

При этом люди могут вовсе не тяготиться таким положением дел. Ну кто, в самом деле, захочет держать дома драгоценный музейный экспонат? Пусть он останется там, где его сохранят, о нем позаботятся. И мы можем иногда прийти и полюбоваться на него, и как раз очень важно, чтобы он сохранялся в неприкосновенности. Примерно так рассуждают обычно о церковной жизни люди, которые в этой самой жизни участвуют два-три раза в год, или даже два-три раза в жизни (венчание-крестины-отпевание). Им очень важно, чтобы Церковь сохраняла свою аутентичность, чтобы экспонат не подменили. Так и анонимный греческий автор любовался еврейской книгой Бытия – но вникать в ее смысл совершенно не хотел.

Среди охранителей есть, наоборот, и такие люди, которые чуть ли не ежедневно соприкасаются со святыней, знают и понимают если не всё, то почти всё, и они как раз не нуждаются ни в каких переменах. Для них вхождение в этот мир возвышенной архаики было трудным, но радостным, они знают, что этот путь не закрыт ни для кого – и потому предлагают всем желающим последовать их примеру.

Но не все хотят следовать, как не все любят читать изысканную поэзию или любоваться музейными экспонатами. Для таких людей возвышенность языка не обязательно достоинство, она скорее связана для них с непонятностью. Им хочется услышать на богослужении и прочитать в Библии, как жить и что делать здесь и сейчас, и не вникать при этом в грамматические и стилистические тонкости. В конце концов, говорят они, ко Христу мы приходим, или к плюсквамперфекту? А Христос говорил с апостолами на самом простом, разговорном языке. Да нет же, отвечают им охранители, молился Он уж, во всяком случае, на особом, священном языке, и Евангелие написано возвышенно...

Не вполне правы тут обе стороны. В Библии, и в Евангелии в частности мы найдем примеры очень разного стиля – к сожалению, мало какие переводы обращают на это внимание. Евангелист Марк писал предельно просто, порой даже с грамматическими ошибками (если судить по строгим меркам школьных правил), он и был простым человеком – а вот Лука получил хорошее образование, и в своем Евангелии он употребил самые разные стили. Так, обращение к Феофилу, с которого начинается его Евангелие, следует всем правилам греческой риторики, а песнопения первой главы («Величит душа моя Господа» и др.) подражают поэтическим текстам Ветхого Завета. Точно так же и в нашем богослужении мы можем найти тексты предельно простые и мощные именно в этой своей простоте (например, Трисвятое), и одновременно сложнейшие богословские построения, практически непонятные человеку без специального образования.

Но было бы неверно связывать сложность предмета с возвышенностью стиля. Как раз тот самый анонимный античный автор говорил о суровой простоте первых слов Бытия: «В начале сотворил Бог небо и землю». Возвышенно могут звучать очень разные тексты: и витиеватое плетение словес, и предельная лаконичность. Более того, возвышенность не является принадлежностью какого-то одного языка, например, церковнославянского. Как любой намагниченный кусок железа имеет два полюса, и если его разрубить пополам, то и каждая из половинок сохранит оба полюса, так и любой язык с литературной традицией имеет свое просторечие и свой высокий стиль. И эти два полюса распознаются людьми почти бессознательно, как магнитное поле действует на металлические предметы.

Именно поэтому, когда люди открывают, к примеру, новозаветный перевод «Радостная Весть» и встречают там слова «проститутка» и «брюхо», у многих из них возникает резкое отторжение, и едва ли оно какие-то другие черты этого перевода помогут его преодолеть. Но ощущение возвышенного или повседневного создается не только выбором слов, но и подбором синтаксических конструкций, даже порядком слов. «И сказал Авраам» звучит куда более по-библейски для русского читателя, нежели «Авраам сказал». Конечно, на самом деле первый вариант – самый естественный для древнееврейского языка, где сказуемое обычно идет впереди подлежащего, а повествовательные предложения часто начинаются с союза «и». Для древнего еврея это была самая обычная фраза – но для русского читателя это уже непереманный признак возвышенного библейского языка, и с его ожиданиями нельзя не считаться.

Иными словами, говорить о Боге на языке подворотни действительно недопустимо. Но это не означает, что о Нем можно говорить только на искусственном языке с какими-то особыми словами и конструкциями. В конце концов, язык классической русской литературы для наших современников уже есть язык возвышенный. Лингвисты недавно провели эксперимент: предложили добровольцам носить при себе некоторое время диктофон, который записывал всё, что они произносили. Потом эти записи расшифровали – так, как расшифровывали бы

запись речи какого-нибудь племени на далеких островах, ничего не зная еще о его языке. Результаты ошаршили ученых: в повседневной речи мало что сохраняется из тех правил и норм, которые нам преподают в школе как непреложную истину.

Понятность и одновременно возвышенность языка – вот те два столпа, на которых, полагаю, должен держаться стиль, которым мы говорим о Боге. Возможности у нас для этого есть, и нет никакой нужды выбирать между языком подворотни и нарочитой архаикой – в конце концов, есть великая русская литература и ее язык, переживший века, одновременно понятный даже школьникам и очень непохожий на то, как говорят меж собой эти школьники на перемене.

10. Фунт чухонского масла

Когда-то давно меня поразила небольшая кулинарная заметка в пасхальном выпуске одной епархиальной газеты. Я уже не помню, что именно предлагалось там приготовить к празднику, но начинался рецепт так: «возьмите фунт чухонского масла...» Ясное дело, перепечатка из дореволюционного издания. Но все ли читатели газеты знают, где достать «чухонское масло», все ли привыкли отмерять его фунтами? Получается, что рецепт вовсе не был рассчитан на практическое применение. Это был идеальный рецепт для идеальной православной газеты, и только. В советское время в заводских многотиражках точно так же писали «решения такого-то съезда – в жизнь!», не имея при этом в виду ничего конкретного.

Но кулинария – это ладно. В другой православной газете я увидел ответ на вопрос читательницы. Вопрос был довольно типичный: что делать, если муж пьет? Читательнице объяснили, какие акафисты и перед какой иконой читать. На самом деле, конечно, дать конкретный совет по одному письму было бы просто невозможно, тут надо долго и подробно вникать в ситуацию, и вообще это задача для нарколога и семейного психолога, а не для газетной рубрики.

Но точно такие же вопросы приносят люди и в храм: про семейные неурядицы, конфликты на работе или с соседями, да и про любые житейские проблемы приходится выслушивать священнику вместе с исповедью или вместо нее. Кто из них построже, осадит; кто помягче – пожалует; любой предложит молиться, а кто-то даст и практический совет. Но самое страшное, что может священник в такой ситуации сделать – это начать возвещать волю Божью о кающемся, а заодно обо всех его родных и знакомых. Сей недуг у нас называется «младостарчеством», и он уже был многократно осужден.

Человек подходит к аналою, по сути, за рецептом для решения некоторой жизненной проблемы. У аналоя этот рецепт ему дать, за редчайшим исключением, просто не могут, а куда еще обратиться – тоже не подсказывают. Конечно, сейчас выходит всё больше разной литературы, в том числе и на тему пьянства или семейной жизни, существуют и православные психологи, врачи, адвокаты, которые могут помочь собратьям по вере. Но как же их все-таки мало! Так что человеку скажут: что ж, будем молиться, смиряться, и Господь всё управит.

Вот и получается, что в Церковь человек приходит с ворохом проблем, ему сразу говорят о главном, но как конкретно решить эти проблемы, по-прежнему остается загадкой. И он либо идет в мир и начинает жить там по законам этого мира, как и любой неверующий, либо закрывается в собственной скорлупе и этот мир просто по возможности игнорирует. Оба решения не назовешь идеальными.

Зато идеальными легко можно назвать те разговоры, которые ведутся в православной среде на любую практическую тему. Начинается пост – и значит, СМИ сообщат нам про мясо-молоко-яйца-рыбу, а православная блогосфера в очередной раз будет горячо выяснять, можно ли есть черепокожих и действительно ли супругам совсем-совсем нельзя заниматься сексом, или возможны послабления. Разумеется, в конце будет сказано, что главное – не есть человек, но это прозвучит уже в виде примечания.

Почему так? В тех разговорах о некоей идеальной ситуации для идеальных людей уже всё давным-давно сказано, аргументы взвешены, так что можно рассуждать безошибочно и безопасно. Но каждый из нас не идеален, и вопрос о поедании креветок в пост явно не входит в топ-десятку (и даже сотню) наших духовных проблем. В светских СМИ своя картина: наши «властители дискурса» любят порассуждать о Вере, Церкви, Русском Народe, Духовности и Нравственности. Когда потом узнаешь, как ведут они себя в обычной жизни, возникает порой вопрос: а что, собственно, они имели в виду под этими словами? Да видимо, не врали: просто

говорили о некоем идеальном мире, как в свое время на собраниях рассуждали о коммунизме. А жили и живут все эти люди в мире реальном, устроенном совсем иначе.

Вот известный журналист Дмитрий Соколов-Митрич поступил иначе: написал [честную статью](#) «Технический христианин», основной смысл которой можно изложить так: «вообще христианство – это замечательно, но что-то как-то во мне его маловато». Эта статья вызвала серьезные отзывы, уже потому, что она излагает реальную проблему реального мира, актуальную для множества людей. Но отзывы сводятся в основном к повторению правильных фраз и цитат из Писания. Получается такой же диалог, как и в случае «муж пьет – читай акафист»: называется проблема – дается готовый, заведомо правильный ответ. Плюс наше вечное стремление к перебору терминов: какой христианин у нас воцерковленный, какой нет, какой «технический», а какой – «этнический». Сразу вспоминаются черепокожие и чухонское масло.

Чтобы проблему действительно решить, ее сначала нужно проанализировать. Почему пьет муж, почему Соколов-Митрич не живет как христианин значительную часть года? Просто потому, что слаб? Это универсальный, идеальный ответ – и потому он не работает. Мы, слабые и грешные, не забываем зубы чистить два раза в день, и множество других рутинных и скучных дел совершаем, так что если молимся от случая к случаю – значит, есть тут какая-то причина. Значит, не находит человек в христианстве чего-то настоящего, достаточно ценного для повседневной жизни. Почему не находит, что можно сделать, чтобы нашел? Вот тут нужно разбираться долго и подробно, и было бы здорово, если бы тот же Соколов-Митрич помог нам разобраться.

И высказывается в этих разговорах шокирующая, но реальная гипотеза: а может быть, всё дело в том, что мирянин в церковной жизни ничего не значит и ничего не решает? Вот он и не стремится к ней... Недавно был принят новый приходской устав. По прежнему уставу на каждом приходе всё решал церковный совет, который, в частности, приглашал к себе священника. Я не знаю в России приходов, жизнь которых проходила бы по этой модели. По новому уставу всё решает епископ и назначенный им настоятель, доколе епископ им доволен. И можно при этом сколько угодно говорить, например, о соборности.

Этот устав возвращает нас в мир реальный: такая модель у нас действительно сложилась, и надо признать, что большинство церковных людей с ней согласны. Во всяком случае, за новый устав приходские советы проголосовали; очень редко можно услышать голос протеста, и, как мы видим на примере о. Павла Адельгнейма, обычно [такой голос](#) не получает заметной поддержки.

Но надежда есть. Наше нынешнее положение совершенно не идеально – но мы хотя бы начинаем всерьез говорить о том, каково оно. Еще десяток лет назад за всеми разговорами о «возрождении духовности» просто не обращали внимания на реальность, не измеряемую числом открытых монастырей и храмов.

А в заключение я хотел бы предложить читателю задачу, на которую я сам не знаю ответа. Мы очень много сегодня говорим о миссии среди молодежи, ведь приближать нашу реальность к желанным идеалам предстоит именно молодым. Мы долго и подробно рассказываем им о христианстве, но есть такие темы, переходя к которым, мы сразу уходим в область общих фраз об идеальном. Прежде всего, это тема брака.

В свое время Церковь просто приняла существующий в светском обществе институт: юноша и девушка объявляют о своем желании жить вместе, вести общее хозяйство, хранить друг другу верность, рожать и воспитывать детей. Такой союз Церковь благословила (при этом особого обряда венчания долгое время просто [не существовало](#)), а всё остальное назвала блудом.

Нынешняя реальность такова, что у молодежи между явным блудом и несомненным браком существует множество переходных позиций – да и слов таких, «брак» и «блуд», никто не употребляет. Люди «встречаются» или «живут вместе», и венчание для них – просто краси-

вый старинный обряд, штамп в паспорте – пустая формальность. В нынешней культуре есть очень много «ступеней совместности», принято переходить от одной к другой постепенно, в расторжении таких союзов (даже и со штампом и венчанием) тоже трагедии обычно не видят. Что может сказать об этом Церковь? Может ли назвать четкие критерии, отделяющие грех от подлежащего благословению союза? Или она предложит некие общие принципы, предоставляя конкретные решения совести каждого? Я знаю парней и девушек, для которых этот вопрос весьма актуален, но я не знаю ответа.

И еще я уверен, что стоит говорить с нашими современниками не о фунтах чухонского масла, а о насущных вопросах их жизни. У нас может не быть готовых ответов, но это даже хорошо – поищем вместе!

11. КПСС и РПЦ

«Вы хотели бы, чтобы Церковь заняла освободившуюся нишу КПСС» – услышал я однажды от одной из читательниц моих статей. Не хочу, разумеется, и более того, даже не знаю таких, кто хочет залезть в эту нишу. Советский Союз оттого и развалился, в конечном счете, что сама КПСС устала ее занимать – вот одни из ее руководителей и начали рассуждать о «социализме с человеческим лицом», а другие срочно всё приватизировали, чтобы отныне распоряжаться богатствами страны не от имени и по поручению, а в качестве законных собственников.

Но периодически приходится слышать от самых разных людей такую страшилку: РПЦ заменит нам КПСС, введут Закон Божий в школах и обязательные справки об исповеди на работе, за неблагочестивое поведение будут штрафовать, а за ересь – и вовсе сажать в тюрьму. При этом никто из людей церковных ни о чем подобном не мечтает, и это понятно: зачем брать на себя непосильную ответственность, зачем заставлять людей лицемерить? Невольник – не богомольник.

Так что прежде всего: расслабьтесь, граждане, ваши опасения напрасны. Не будет у нас насильственного православия уже хотя бы потому, что сил у нас не хватит его ввести, а желания нет и подавно.

И все-таки не так всё однозначно... В первой половине девяностых мне довелось слышать, как один весьма образованный священник, занимавший значительную должность, выступал перед своими слушателями и говорил им примерно следующее: «Советский Союз развалился потому, что был основан на ложной идеологии, в которую люди не верили. И сегодня мы должны...» Тут я представил себе завершение его речи: должны не повторять чужих ошибок, не пытаться ввести новую идеологию. Но батюшка продолжил совсем не так: «...должны дать людям новую, истинную идеологию, с которой они и будут жить».

То есть возможен сценарий не полного и однозначного сползания к образцу КПСС, а такого частичного возвращения. Не будет обязательных партсобраний или молебнов, но зато будет простая и ясная идеология для народа, и основана она будет на православии. Как наш нынешний российский герб включает в себя византийскую символику, так и идеологическое наследие Византии, Руси и Российской империи может быть органично вплетено в нашу нынешнюю государственность, может породить ту самую великую идею, об отсутствии которой кто только не говорит.

Выступая на приеме у Краснодарского губернатора как раз тогда, когда разворачивалось расследование преступлений в станице Кушевской Краснодарского края, [Патриарх Кирилл ответил](#) на подобные настроения: «Идеология живет в течение трех, максимум четырех поколений людей... Церковь проповедует не для того, чтобы становиться сильной, храмы нужны не для того, чтобы собирать в них деньги, не для того, чтобы правящий архиерей чувствовал себя таким местечковым князем. Сегодня мы создаем все это для того, чтобы возродить нравственное чувство в людях».

Кстати, речи руководителей КПСС цитировались журналистами потому, что так было положено, в этом и состояла их основная работа. Я привожу сейчас слова Патриарха по совсем другой причине: я с ними полностью согласен. Каковы опасности слишком тесного привязывания церкви к определенному государственному строю, мы видим на примере 1917-го года, но дело не только в исторических прецедентах. Церковь по определению говорит о вечном, и пытаться заставить ее обслуживать сиюминутные, пусть даже очень важные и хорошие интересы государства или общества – то же самое, что делать из храма овощехранилище, как было при той самой КПСС.

Но значит ли это, что церкви с ее верой в вечное просто нет никакого дела до «житейского моря» с его страстями и бурями? Та самая моя читательница говорила мне: если в храме совершается литургия, чего же еще требовать, чего еще ждать? Интересно, что в этом отношении она вполне согласна с атеистами, с той самой КПСС: при ней в оставшихся храмах разрешалось служить литургию, не разрешалось только выходить за церковную ограду, как бы то ни было участвовать в жизни общества. Церкви была отведена роль резервации для дикарей: пусть себе отправляют там, за прочным забором, свои нелепые обряды, и для иностранных туристов это привлекательно смотрится, а вот реальная жизнь пусть течет по совсем другим законам.

Но и с этим нельзя согласиться. Литургия необходима, но если необходима только она, это означало бы превращение церкви в «комбинат ритуальных услуг»: вот в парикмахерской граждан стригут, в поликлинике лечат, а тут исповедуют и причащают. Но церкви даже ее недоброжелатели отводят все-таки более значительную роль... Какую же?

Крестившись в 1986 году, я застал еще времена соревнования между коммунистической идеологией и христианской верой (сегодня мы, христиане с «дореволюционным стажем», как это называлось у большевиков, даже склонны этим стажем гордиться). В церкви и тогда было много всяких проблем: например, уровень грамотности рядовых верующих был удручающе низок, и сам я узнал, что существует некий «символ веры», непосредственно в момент своего крещения...

Но церковь очевидным образом предлагала нам иные смыслы и иные отношения. Там, за ее стенами, гремела коммунистическая идеология, в которую к середине восьмидесятых уже почти никто не верил, а здесь люди говорили о чем-то ином и действительно очень важном. Они не были идеальными, но никто из них не был случайным, никто не оказался в храме просто потому, что модно или выгодно. Мы, студенты, приходя в храм, рисковали членством в комсомоле и высшим образованием, но рисковали не сильно – а вот любой, кто официально начинал в храме работать, мог поставить крест на светской карьере. Выше дворника или разнорабочего должность ему бы не дали.

Мы помнили об этом всегда, мы, при всех наших недостатках, были в мире, но не от мира. Сегодня, когда всё стало возможным, это ощущение зачастую утрачивается. Церковь становится просто еще одной формой общественного бытия, еще одним вариантом карьеры, от которого при случае можно легко отказаться, ничего не потеряв (см. случай Охлобыстина). Глупо грустить о временах юности, когда трава была зеленее. Но нельзя не заметить, что теперь, спустя более двадцати лет после выхода церкви из резервации, нам по-прежнему не очень понятно, какую роль может и должна играть она в обществе.

Далее в той речи Патриарх сказал: «На нравственные идеи мы должны опираться в нашей политике, экономике, в деятельности правоохранительных органов, в развитии культуры, потому что нет ничего сильнее и значительнее нравственного начала. Если законы не соответствуют нравственности, они не живут. Если деятельность власти не соответствует нравственным началам, власть нежизнеспособна. Если деятельность правоохранительных органов не соответствует нравственным принципам народа, эти органы воспринимаются, как органы притеснения, давления, а не защиты людей». Заметим, это было сказано накануне побоища на Манежной площади в Москве.

Как и во времена Советского Союза, а до того – Римской империи, церковь может предлагать людям иной взгляд, иную норму поведения, показывать опыт иной жизни. И если в условиях гонений это было возможно лишь внутри самих общин, то сегодня церковь может создавать островки иной социальной реальности.

Вот в очередной раз прозвучало предложение: создавать приюты для женщин, которые собираются сделать аборт, но готовы выносить и родить ребенка, если им будет где и на что жить (а таких немало, поверьте). Нет, не запретить аборт в масштабах всей страны, а создать иную реальность, пусть для очень небольшого круга людей. Ну и что, что их будет мало? Пер-

[ВЫЙ МОСКОВСКИЙ ХОСПИС](#) вмещает всего 30 человек, но он изменил нашу реальность, он показал, что провожать неизлечимо больного человека можно с нежностью и заботой, о чем не принято думать в обществе для здоровых, успешных и веселых. А в подобных приютах для беременных мы могли бы так же точно встречать людей, приходящих в этот мир... Пусть они не нужны никому, но нужны Богу, а значит, нам.

Ценности отличаются от идеологий тем, что они вечны и конкретны – тем же и церковь отличается от политических партий. Церковь пережила империи, пережила КПСС, переживет, несомненно, и нынешнее серое безвременье. Вопрос в другом: что мы явим страждущему миру, нашей растерянной и бестолковой стране? Способность совершать богослужение, рассуждать о догматах и иконах, восстанавливать стены храмов и монастырей – для самих себя, в конечном счете... или еще и способность жить иначе, лучше, осмысленней, добрее – и учить людей на собственном примере не идеологии, не лицемерию, а именно что жизни будущего века, здесь и сейчас?

12. Свое суждение иметь

В дискуссии вокруг [одной моей статьи](#) много говорилось о пространстве личной свободы – и тут же оказалось, как это обычно и бывает, что для одних это величайшая ценность, а для других излишество. Артем Ермаков из Иркутска пишет: «А в Царстве Божиим оно есть, это пространство? И зачем оно там нужно? Оно и здесь-то нужно лишь для того, чтобы опровергать общественную ложь Божьей правдой. Но ведь Божьей, а не какой-то там „личной“!» И так думает далеко не один Артем.

Сколько раз в разговорах, а особенно в спорах, доводилось слышать: «это не мое личное мнение, так учит Церковь, так говорят отцы». Говорящий так человек словно бы не ощущает никакой дистанции между собой и отцами, не подозревает, что простое повторение чьих-то слов (да и верно ли понятых?) еще не означает повторения чужого опыта. Я, конечно, могу с утра до вечера обличать моих ближних словами Св. Иоанна Златоуста – но это совсем не значит, что в их личной судьбе я сыграю такую же роль, какую Златоуст сыграл в судьбе своей паствы, что я вообще стану на него похож. Отказываясь от «собственного мнения», слишком легко можно отказаться от этой собственной жизни в угоду каким-то представлениям о жизни чужой. Но ведь я могу быть только самим собой, могу прожить только свою жизнь.

Опровергать ложь «правдой Божьей», как предлагает Артем, можно лишь в том случае, если ты, в отличие от других, действительно носитель этой правды. И поэтому люди обычно доверяют не тем, кто произносит правильные слова о Боге, а тем, кто делится личным опытом богопознания и богообщения. Не случайно и в Священное Писание у нас входят не катехизис и не учебник догматики, а истории о живых людях: патриархах, пророках, апостолах, – и о том, как в их судьбах проявилась воля Божья. И если они дерзали возглашать эту волю другим, то не потому, что вычитали о ней в книгах, а потому, что лично получили откровение о ней от Бога, лично приняли и прожили это откровение. Так что бесполезно бывает проповедовать «правду Божию», пока она не стала твоей правдой.

«Свое суждение иметь», в том числе и в Церкви – вовсе не излишняя роскошь, а неизбежность. Слишком часто люди спешат объявить «вероучением Церкви» то, что на проверку оказывается схематично понятным и по-своему истолкованным кусочком этого вероучения. Свой личный кусочек правды ставится на место Истины – так, на самом деле, и рождались ереси. И поэтому, говоря публично, в том числе и здесь, я не устаю повторять: я выражаю свою собственную точку зрения, она, как я надеюсь, вполне совместима с верой Церкви, но я не дерзаю говорить от имени Церкви, кроме тех редких случаев, когда читаю символ веры или нечто настолько же бесспорное. Говоря от себя, в чем-то я наверняка ошибаюсь, но цена ошибки совсем не так велика, если это мое частное суждение, и все слушатели признают его за таковое.

Всё это, на самом деле, банальности (хотя их тоже стоит порой напоминать, особенно горячим неопитам), и писать статью только для того, чтобы произнести их в очередной раз, явно не стоило. Я хотел бы призвать задуматься о другом – о том, что пространство личной свободы для нас и в самом деле большая проблема. И не только в церковной, но и в общественной жизни, как прекрасно показало дело Егора Бычкова. Одни говорят: наркоман свободен, и потому может проводить свою жизнь, как ему вздумается. Когда он убьет или ограбит кого-нибудь, тогда, конечно, другое дело, но насильно его удерживать даже в самой лучшей клинике никто без приговора суда не вправе. Если пойти по этому пути, неизвестно, кого дальше начнут принудительно лечить (алкоголиков? любителей компьютерных игр? наконец, диссидентов?) и где будет проведена та грань, за которой человека можно без приговора приковать наручниками к кровати.

Другие им возражают: а что, если человек уже совершенно не контролирует себя и при этом опасен для окружающих? Разве нужно до последнего оставлять нож в руке маньяка,

шприц в руке наркомана (это зачастую одно и то же), или лучше попытаться выбить его прежде, чем совершилось непоправимое? Разве не заканчивается свобода одного гражданина там, где начинается свобода другого – и почему тогда ограбленная наркоманом семья не может отправить на лечение своего пусть даже совершеннолетнего отпрыска, пока он еще никого не убил? Две стороны одной правды. Два разных понимания свободы.

Все признают: прав Егор Бычков или нет, но он начал делать то, чего не делают ни государство, ни общество. Милиция ловит наркоманов ради отчетности или просто вымогательства, дипломированные врачи тоже не за бесплатно выводят их из ломки и отправляют домой жить и колоться дальше. Всем вроде как даже выгодно, чтобы они оставались наркоманами – всем, кроме их близких и людей вроде Егора Бычкова. Как поступить с ним – только одна, и самая легкая часть проблемы. Куда сложнее ответить на другой вопрос: а кто будет вместо него заниматься этими людьми, и как?

Всё это заставляет нас снова задуматься о смысле – а точнее, смыслах слова «свобода». В начале либеральных реформ девяностых годов нам объявили: мы свободны от государства, а государство – от нас. Каждый сам по себе, никто никому ничем не обязан. Только на практике подобный «либерализм» оборачивается законом джунглей, и наркоманы, а равно и их семьи, живут в основном по этим законам. Нет ничего удивительного в том, что семьям это не по душе, и не так уж высоко они ценят гражданские права человека, разум и совесть которого уже подчинены химической зависимости.

Бывает свобода кочевника в диком поле, но современное общество все же предпочитает свободу оседлого земледельца: у каждого свой участок земли, и он волен обрабатывать и застраивать его по своей воле, а государство следит, чтобы его действия не помешали соседям. И вся проблема наркомании сводится, в конечном счете, к тому, что мы предоставляем им гулять в диком поле, запирая от них ворота своих участков – а государство не вмешивается до тех пор, пока не становится слишком поздно.

Порой нам кажется, что в нашей жизни слишком много государства, но это совершенно не так. Все эти вымогатели в погонах, все взяточники в кабинетах, все немотивированно жестокие разгоны митингов, выборные махинации и принятые за закрытыми дверями генпланы – это свидетельство слабости государства, приватизации его функций теми, кто должен был бы ему служить, но ставит его себе на службу. Такое государство бесконечно утомляет и раздражает своих граждан, приставая к ним по всякой мелочи, но даже не берется за подлинную проблему – например, профилактику наркомании. И не удивительно, что при таком раскладе появляются Бычковы, а то и вовсе приморские партизаны, берущиеся за борьбу с наркоманией или коррупцией собственными методами – «в те дни не было царя у Израиля; каждый делал то, что ему казалось справедливым» (Судей 21:25). И когда такое происходит, государство вынуждено жестко пресекать самодеятельность граждан... вот только без толку всё это, если оно не станет само исполнять свои функции, обеспечивая гражданам пространство личной и защищенной свободы.

Нечто подобное происходит и в церковной жизни. Всё это младостарчество с его бесконечными практическими приказами по любому мелочному вопросу, все выступления «против ереси священноначалия» и за «единственно истинное Православие в моем собственном лице» – свидетельство слабости нашей Церкви. И я имею в виду даже не церковную организацию, хотя и это очевидно, слишком уж много примеров, когда монастырь или приход становятся совершенно никому неподотчетными и неподвластными, словно какое-нибудь таежное РУВД, или епархия оказывается маленькой такой абсолютной монархией. Но прежде всего такие вещи свидетельствуют о слабости веры, которая маскируется за внешней категоричностью, жесткостью, бескомпромиссностью, авторитарным стилем управления.

Не бывает суждений без погрешностей, жизни без ошибок, но в Церкви мы знаем, что с ошибками делать. Только сильный человек может позволить себе и другим внешнюю свободу

высказываний и поступков в рамках определенного порядка. И только слабый притворяется неживым, чтобы показаться безошибочным.

13. Наука ли богословие?

В середине девяностых я сдавал в Институте философии Российской академии наук кандидатский минимум по этой самой философии. По сравнению с советскими временами изменилось в стране к тому моменту буквально всё, но только не этот самый экзамен. Оно и понятно: его сдавали люди, учившиеся в ВУЗах еще при советской власти, а принимали те, кто при этой же власти сделал всю свою научную карьеру. Поэтому в стране победившего дикого капитализма для получения степени кандидата наук было необходимо вызубрить основные определения из кондового учебника диалектического материализма – так называлась единственная при Советах философия (пояснение для тех, кто не застал).

Экзаменаторы не зверствовали и ставили пятерки и четверки за хотя бы приблизительные ответы на вопросы из краткого списка – они же прекрасно понимали, что застряли в позавчерашнем дне. Но им тоже надо было как-то кормиться... Экзамен я сдал успешно, тем более, что как гуманитарий я читал и что-то сверх советских учебников, а это производило выгодное впечатление.

Совсем не та история приключилась с одним моим знакомым, который к тому моменту пребывал в сане игумена и читал книг по философии не меньше моего. На экзамен он явился в подряснике и с крестом, что уже напрягло экзаменаторов. Они задали ему вопрос: «В чем причина единства и многообразия мира?» По правилам игры, надо было ответить словами учебника: «В его материальности». Но отец игумен приосанился и прорек: «В воле Творца! А если бы я ответил иначе, меня надлежало бы извергнуть из священного сана». Он получил трояк, единственный из всех.

Теперь многое изменилось. Марксистские философы вышли на пенсию, государственное образование и наука подвергаются непрерывному реформированию (и никто, похоже, не рад результатам). А богословие теперь предлагается включить в перечень научных дисциплин, чтобы государство официально выдавало богословам дипломы кандидатов и докторов наук, как выдает их физикам или историкам. Одни недоумевают: зачем? Есть же и так всякие семинарии и академии, они вправе выдавать своим выпускникам какие угодно бумажки, причем тут государство? Другие даже опасаются: а не будут ли всех теперь загонять в православие, как прежде в коммунизм, не придется ли аспирантам отныне сдавать Закон Божий? Третьи, напротив, считают такое стремление к государственному признанию слишком мирским и суетным шагом со стороны церковных иерархов: дескать, молиться эти дипломы не помогут, так зачем они нужны...

На самом деле, перед нами сложный клубок проблем, всех не охватишь в одной статье, но можно попробовать хотя бы назвать основные, чтобы легче было разбираться.

Прежде всего, стоит признать, что сама эта номенклатура научных специальностей возникла не сразу в готовом виде, изменения в ней были, есть и будут. Так, совсем недавно была введена в нее новая дисциплина «культурология», хотя и о ней можно было бы спорить: разве это не смещение истории, филологии, философии и социологии? Но культурологам показалось осмысленным вывести свой предмет в особую рубрику, и никто особенно не возражал. И точно так же никто не возражает против присутствия богословских факультетов во многих университетах Запада, и против степеней по богословию, признаваемых государством.

Здесь, впрочем, всё зависит от конкретных обстоятельств. В Германии богословский факультет – обычное явление в государственном университете, но не так во Франции, где в свое время церковь была отделена от государства, и, как шутят французы, теперь единственная святыня для государства – его светский характер. В то же время во французском Страсбурге такой факультет есть: всё дело в том, что этот город долго принадлежал Германии, и когда он по итогам Первой мировой перешел к французам, они не стали менять сложившееся положение

дел. И светский характер государства не мешает существованию такого факультета... а точнее, сразу двух: католического и протестантского.

Наша образовательная система – прямая наследница атеистического Советского Союза. Значит, нет у нас богословия в ВУЗах, но надо ли его возвращать? И, кстати, будет ли, к примеру, в МГУ тоже два факультета, и два научных совета по диссертациям: один для православных, другой для протестантов? А в Казани – для мусульман, в Элисте – для буддистов, и где-нибудь еще для католиков, иудеев, а то и язычников с растаманами... Или официально все будут только православными, как при Советах были атеистами?

Богословие не может быть нейтральным, независимым от конфессиональной принадлежности, как физика или химия, это понятно. Может ли оно тогда называться наукой? Но если взять пример той же философии, да и других гуманитарных наук – всякая работа в этой области неизбежно основана на определенных мировоззренческих предпосылках. И тем не менее, не бывает «платоновских» или «аристотелевских» факультетов, хотя на каждом из них, разумеется, может быть своя школа, которая следует определенному направлению мысли. Главное, что есть общие правила ведения научных исследований и дискуссий. Видимо, так могут поступать и богословы.

Но что вообще такое богословие? Церковь называет богословами всего трех святых – Евангелиста Иоанна, Григория Назианзина и Симеона Нового Богослова. Это не значит, что все остальные отцы были чужды богословию. Например, Св. Василий Великий значит для нашего богословия никак не меньше своего друга Св. Григория. Но, давая святому такое именование, традиция подчеркивает особый характер его служения. Так, о Христе говорили все евангелисты, но среди четверых Иоанн действительно выделяется, так сказать, «высотой полета»: остальные приводят больше фактов, а Иоанн в первую очередь излагает идеи. Так и Григорий отличается от Василия, деятельнейшего епископа, более кабинетным характером своего служения – он оставил прекрасные проповеди, письма и даже стихи.

Такому богословию, конечно, не выучишься на университетской скамье, по нему не защитишь диссертацию. Так что сегодня богословием у нас называется скорее «богослововедение». Литературоведы-пушкинисты не пишут новых стихов и повестей, как Пушкин, они изучают и систематизируют уже написанное, составляют биографии Пушкина, рассказывают о нем публике. Точно так же поступает и большинство современных богословов, действуя как раз в научной парадигме: писал ли такой-то автор такие-то слова, в каком смысле следует их понимать, как они соотносятся со словами других авторов – всё это вопросы для самого обычного гуманитарного исследования. Эти труды соответствуют необходимому в науке критерию фальсифицируемости: в принципе может быть доказана неистинность высказываний ученого. Например, если я утверждаю, что канонических Евангелий с самого начала было четыре, это утверждение может быть опровергнуто находкой какого-то древнего и авторитетного христианского документа (например, письма того же Св. Григория, или постановления какого-нибудь собора), в котором к известным нам текстам приравнивались бы «Евангелие от Петра» или «от Фомы». На сегодняшний день такого текста нет.

Но как может быть доказано или опровергнуто ключевое положение христианской веры, что Сын Божий умер за наши грехи и воскрес? Даже если будет стопроцентно доказано распятие и неожиданное возвращение к жизни Иисуса из Назарета, наука ничего не скажет нам о том, был ли Он Сыном Божьим и что означают эти события для нашей жизни в вечности – хотя бы потому, что сама эта вечность лежит за пределами научного знания. Равно как и Бог: биология изучает живое (био-), геология изучает земное (гео-), а вот богословие, теология, изучает вовсе не само божественное (тео-), а скорее представления людей о Нем.

Тогда чем же они отличается от религиоведения или той же культурологии? Очевидно, что богослов не просто констатирует факт: в этом трактате написано то-то и то-то, – но делает практические выводы. Написано так, и сие есть истина, а значит, жить нам следует так-то и

так-то. И такое богословие, конечно, будет неизбежно зависеть от представлений автора о Боге, от его конфессиональной принадлежности. Можно не заводить двух или трех разных факультетов, потому что многие факты и теории будут общими для честных исследователей всех конфессий, но надо представлять себе, что полностью объективной и «конфессионально-стерильной» такая наука не будет никогда. Правда, примерно то же самое можно сказать и о философии, которую вычеркивать из списка научных дисциплин пока что никто не собирается.

Итак, стоит ли присваивать богословию статус официально признанной науки? Однозначного ответа на этот вопрос у меня нет, потому что всё зависит от того, как именно это сделать. Действительно, если курс православной (или любой другой) догматики заменит марксистский диалектический материализм, а история церкви – историю КПСС, то лучше не надо. Но такой подход не имел бы вообще никакого отношения к науке. Было точно так же неверно приравнивать к научным гипотезам вероучительные положения, выводить их из фактов и доказывать логически. И, наконец, совсем нелепо было бы навязывать принцип конфессиональности гуманитарным наукам. Ученый может быть православным или протестантом, и его взгляды будут неизбежно влиять на его работу, их необходимо будет учитывать при чтении его трудов. Но если мы попытаемся «ради чистоты веры» отгородить свою церковную науку от мирового научного сообщества, то она сразу перестанет быть и церковной, и наукой, превратится в сектантское начетничество.

Но если признание богословия наукой будет способствовать интеграции церковных ученых в единое научное пространство, это можно будет только приветствовать. В значительной степени сейчас так уже и происходит: недавно я был на защите кандидатской диссертации по богословию, которую, на мой взгляд, вполне можно было бы провести в ученом совете по истории (специальность – источниковедение) или даже по филологии. Содержание и оформление работы, характер дискуссии и всё остальное вполне отвечало требованиям академической науки... правда, тут можно начать рассуждать о том, в каком положении находится эта самая наука в России, но это уже отдельный разговор, и не самый радостный.

Только богословам самим придется задуматься над тем, что дипломы государственного образца не просто дадут им больше веса, но наложат на них строгие обязательства, прежде всего формальные. Нельзя будет выносить на защиту диссертацию, как бы ни была она хороша, пока не наберется достаточного количества публикаций в рецензируемых журналах (и попасть в этот список журналу тоже будет непросто). Потребуется соответствовать многим другим требованиям ВАК... К сожалению, сейчас наши администраторы от науки озабочены прежде всего собственным контролем над ней: придумать как можно больше формальных показателей, за несоответствие которым можно будет наказывать. Понятно, что недобросовестные карьеристы всегда будут пролезать сквозь сито этих требований куда легче, чем настоящие ученые, и нет таких алгоритмов, по которым можно было бы отделить красиво оформленную белиберду от серьезной научной работы.

Собственно, в том и главный вопрос: что будет на первом месте в такой реформе? Смена вывески ради пиара – или серьезная, кропотливая и порой неблагодарная работа над сутью? Но этот вопрос относится далеко не только к богословию или науке, а ко всей нашей нынешней жизни, и общественной, и церковной.

14. Фундаментализм: выход или вызов?

Либеральная библейская критика, расцвет которой пришелся на вторую половину XIX – начало XX вв., основывалась во многом на том, что текст Библии в его существующем виде не представляет существенного интереса для ученых. Всё внимание таких критиков было обращено на реконструкцию некоего изначального состояния текста, или, точнее, на реконструкцию событий, лежавших в основе этого текста. Из этой реконструкции заведомо исключалось всё чудесное, да и вообще всё, что в той или иной мере не соответствовало теориям реконструкторов. Вместо того Христа, в которого верит Церковь, на сцену выводился некий «исторический Иисус», причем у разных исследователей он получался неодинаковым.

Нет ничего удивительного в том, что для традиционных христиан любых деноминаций такой подход оказывался неприемлемым. Своеобразным «отрицанием отрицания» стал *фундаментализм* – течение, зародившееся на рубеже XIX–XX вв. в США. Теперь это слово применяют к любой религиозной группе, которая настаивает на безукоризненном исполнении правил своей религии и нередко активно навязывает ее всем остальным, но изначально фундаментализм родился среди протестантов, хотя эти воззрения разделяли и разделяют многие католики и православные. Само его название восходит к серии книг «The Fundamentals», опубликованной в 1910 г. М. и Л. Стюардом. Как нетрудно понять из названия, сторонники этого движения настаивали на некоторых фундаментальных истинах христианской веры: девственном рождении Христа, Его телесном воскресении, достоверности сотворенных Им чудес. В принципе, это естественная позиция любой группы христиан, придерживающихся своей традиции. Чтобы исповедовать ее, не нужно писать отдельных книг – достаточно символа веры.

Но есть в фундаментализме и нечто такое, что превосходит этот символ, что разделяется уже далеко не всеми традиционными христианами – это, прежде всего, принцип *буквальной непогрешимости* Писания: поскольку оно есть Слово Божие, то каждое его высказывание истинно в прямом и непосредственном смысле. Писание следует толковать буквально, если только сам текст Писания не призывает к обратному (например, не называет повествование притчей). Эта позиция тоже кажется традиционной, но на самом деле она таковой не является, ведь для отцов Церкви, да и вообще практически всех средневековых толкователей аллегорический и иные не прямые смыслы Писания имели ценность никак не меньшую, а обычно даже и большую, чем смысл буквальный. Фундаментализм, напротив, настаивает на безусловном первенстве и непогрешимости именно буквы Писания, которую отцы Церкви нередко оставляли в стороне.

В результате сторонники этого направления, например, категорически отвергают теорию эволюции на том основании, что в книге Бытия сотворение животных описывается как единовременный процесс, не оставляющий места постепенному развитию. Да и сами шесть дней творения понимаются фундаменталистами обычно как шесть промежутков по 24 часа, а возраст Вселенной при таком подходе насчитывает примерно семь тысяч лет. Такой взгляд называется единственно соответствующим Библии, но, по-видимому, с тем же успехом можно было бы считать единственно библейским представление о плоской неподвижной Земле, над которой движутся Солнце, Луна и звезды, поскольку именно этим языком пользуются библейские авторы (да и все мы, когда говорим «солнце взошло» или «солнце село за горизонт»).

На самом деле такой подход – другая крайность по сравнению с либеральной библейской критикой. Отрицая явную ложь либеральной критики с ее реконструкциями, фундаменталисты сами начинают создавать искусственные и неубедительные реконструкции (например, свою геологию, которая согласуется с представлением о мире, созданном семь тысяч лет назад в готовом виде) и предлагают свою неправду, которая имеет, по слову апостола, только «вид благочестия». Затем принцип непогрешимости распространяется еще дальше, чем у протестантов.

стантов – таким же свойством наделяются и отцы Церкви, и, в конечном счете, избранные духовные лидеры...

Российская библеистика до революции 1917 г. была наукой достаточно молодой, оригинальной научной школы отечественные учение еще не успели сформировать, и основные их усилия сводились к тому, чтобы осмыслить и творчески перенять лучшие достижения библеистики западной. Собственно, в этом нет ничего нового – именно так обычно и начинался путь отечественной науки, в том числе и богословской, чтобы затем ей стать вполне самостоятельной и в некоторых областях даже превзойти западноевропейскую. Это удалось, например, с литургией, но с библеистикой такого не случилось ни до революции, ни тем более, после нее. В результате российские библеисты на данном этапе вынуждены так или иначе перенимать западные методы, пользоваться выводами западных коллег; для православных вполне естественно при этом следовать наиболее консервативным образцам.

Именно поэтому фундаментализм – протестантское по своему происхождению течение – вдруг начинает восприниматься в России как некое чуть ли не святоотеческое учение, якобы единственно возможное для православных. Но в этом докладе я постараюсь показать, что на самом деле он скорее разрушителен, нежели полезен для российской библеистики, которая только начинает у нас складываться. Сегодня нередко можно слышать, как православные горячо оспаривают положения А. фон Гарнака или Г. Гункеля, как будто они были высказаны вчера (до Р. Бультмана руки доходят значительно реже, хотя это было бы намного актуальнее). Однако сегодня позицию этих ученых уже практически никто в чистом виде не разделяет, вся критика в их адрес давно была высказана, здесь остается только повторять в сотый раз сказанное уже давно; зато вот опасности фундаментализма замечаются намного реже.

Отчасти это было так уже с поколением дореволюционных ученых: когда Н.Н. Глубоковский в эмиграции принялся с помощью историко-филологических методов доказывать, что Послание к Евреям было написано непосредственно апостолом Павлом, он взял на себя неразрешимую задачу. Можно сказать: «я верю, что Послание написал сам апостол, поскольку об этом свидетельствуют многие церковные писатели», и это будет самодостаточное утверждение, ведь вера не требует доказательств. Но если уж прибегать к анализу стиля, композиции, манеры изложения, если смотреть на место этой книги в новозаветном каноне, то придется признать, что она сильно отличается от всех прочих посланий, носящих имя апостола Павла. Метод противоречит выводам, и, более того, научный анализ, направленный исключительно на доказательство заранее заданной точки зрения, перестает, по сути, быть научным. Исследователь здесь не столько разбирает разные аргументы, сколько отбирает те, которые ему потребны для доказательства, первичен у него не анализ, а вывод. Потому утрачивает смысл и дискуссия: если обе стороны имеют определенную и неизменную точку зрения, которая не может ничем быть поколеблена, то им и говорить меж собой не о чем. К сожалению, именно по такой модели и протекает нередко «диалог» о Священном Писании в нашем обществе.

Когда разразилась революция, отечественные библеисты во многом еще не определили своего положения на этой шкале, одним полюсом которой были либеральные критики, а другим – фундаменталисты. Понятно, что после 1917 г. на повестку дня вышли совершенно другие вопросы, но много ценного было сказано, к примеру, А.В. Карташевым в его докладе 1944 г., до сих пор не утратившем своей актуальности (хотя в части конкретных примеров там есть, что исправить). Стоит отметить, что в те же самые годы примерно такой же процесс поиска «срединного пути» между двумя крайностями шел и в католической церкви – можно привести в качестве примера энциклику «*Divino afflante Spiritu*», вышедшую в 1943 г. Возможно, этот процесс подстегнула именно Вторая мировая война, окончательно похоронившая и надежду ультраконсерваторов на «старую добрую Европу», и упования ультралибералов на «разумное устройство общества». Жизнь ставила перед Церковью насущные вопросы, отвечать на которые требовалось на современном языке, не изменяя в то же время многовековому Преданию,

и не нужно, наверное, объяснять, что и в наше мирное время мы встречаемся со сходными проблемами.

Однако в целом позицию Карташова разделяли немногие православные – я прекрасно помню, как еще в конце 80-х гг. само выражение «парижская школа богословия» воспринималась чуть ли не как название ереси, а когда Патриарх Алексий II упомянул в своем публичном выступлении в МГУ имена ее представителей в положительном смысле, это произвело эффект разорвавшейся бомбы. Времена меняются, и сегодня об этом даже странно вспоминать... До некоторой степени линию Карташова продолжал о. А. Мень, и мы знаем, сколько нареканий вызывали его книги. К сожалению, вместо конкретной критики (которая, конечно, всегда бывает уместна) обычно речь шла об огульном отрицании самого подхода, сочетающего научный анализ с духовным прочтением текста: негоже православным о таких вещах рассуждать! Такая позиция обычно позиционировала себя как консервативную, традиционалистскую, но по сути ее трудно называть иначе, как фундаменталистской.

Итак, подход А.В. Карташова и других ученых и богословов, принадлежащих к этому «срединному» направлению, заключается в том, чтобы позволить себе свободу научного анализа, оставаясь в рамках церковных догматов. Эти рамки достаточно широки: в конце концов, вера в Воскресение Христово или в сотворение мира Богом не может быть подтверждена или опровергнута наукой, поскольку наука изучает вещи естественные, а мы верим в сверхъестественное. Мертвые, по данным науки, не воскресают – именно поэтому для нас так значима вера в Воскресение, превосходящее законы естества. Если бы оно этим законам соответствовало, в нем не было бы ничего спасительного для нас.

Таким образом, православный ученый может оставаться вполне добросовестным ученым, а значит, в частности, не предрешать своих выводов. Если затем ему начинает казаться, что какие-то из этих выводов противоречат вере Церкви, это противоречие должно стать для него источником не испуга, а творческого напряжения, отправной точкой поисков истины. Примерно так вл. Антоний Сурожский советовал подходить к чтению Евангелия: не затушевывать возникающих в душе противоречий, а, напротив, отмечать их, размышлять над ними, чтобы они стали точками духовного роста. Возможно, какие-то из подобных вопросов не удастся разрешить и до конца жизни, но смысл ведь не в том, чтобы получить некие гладкие ответы на все вопросы, а чтобы эта жизнь во Христе у нас действительно была, и чтобы она была подлинной. Точно так же и наука, и образование нужны только тогда, когда они подлинны и воспринимаются всерьез. У меня может не быть ответа на какой-то достаточно важный вопрос, и научная честность, равно как и духовное трезвение, требуют признавать, что его нет. Но я доверяю Богу в том, что этот ответ в принципе может быть найден, пусть даже и в жизни будущего века. Это лучше, чем хватать первый попавшийся ответ и объявлять его окончательным.

Но если у нас порой возникают моменты внутреннего несогласия с самим Евангелием, то куда меньше таких спорных случаев связано с научным анализом и они куда легче разрешаются. Например, если исследователь пришел к выводу, что Послание к евреям в его окончательном виде почти наверняка не писал апостол Павел, что это значит для него? Только одно: авторитет текста не связан с его человеческим авторством. Церковь приняла это Послание как богодухновенное, увидела в нем изложение своей веры и включила его в канон. Кем оно было написано: учениками Павла с его слов, или каким-то отдельным автором – в данном случае никак не влияет на авторитетность самого текста, на истинность высказанных в нем идей.

Другой путь заключается в том, чтобы вообще отказаться от всякого научного анализа, чтобы никого не смущать. Может быть, потому так и скромны успехи российской библеистики? Представим себе на минутку, что литургистам была бы поставлена задача в своих исследованиях оправдать совершенство и изначальную заданность... даже не Типикона, а нашего нынешнего обихода. Допустим, любое замечание в том духе, что некий элемент богослужения возник достаточно поздно и не имеет существенного значения, отметалось бы сходу как

заведомо неблагочестивое. Смогла бы литургия достичь при таких условиях своих нынешних высот? Сильно сомневаюсь. Но тогда не стоит предъявлять эти требования и к библеистике.

Как и столетие назад, мы можем творчески перенимать сегодня западный опыт. В нашем отставании есть и свои положительные стороны: мы можем не повторять чужих ошибок, а сразу делать из них выводы. Например, в свое время было сломано очень много копий о теории Q – общего для Матфея и Луки и незнакомого Марку источника, но сегодня все больше исследователей Нового Завета оставляют эту гипотезу в стороне как не доказанную и не слишком полезную для практических целей. Возможно, и нам не следует обращать на нее слишком большого внимания, сосредоточившись на более насущных проблемах. На Западе давно идет и дискуссия о фундаментализме, я приведу сейчас только одно имя, хорошо знакомое российскому читателю – Дж. Данн. Я разделяю не все положения, высказанные Данном, но о фундаментализме он говорит замечательно верно.

Прежде всего отмечу, что здесь исключительно важен психологический фактор. Фундаменталист жаждет *уверенности*. Он должен точно знать, что некие важные для его веры положения остаются неизменными и никто не дерзает на них посягнуть. Казалось бы, такая уверенность напрямую связана с верой... но она, на самом деле, исключает еще одно понятие, названное словом от того же корня. Уверенность исключает *доверие*. Если я в чем-то уверен, это значит, что я знаю всё наверняка, я всё контролирую сам и никому не позволю на этой территории распоряжаться. Но если я доверяю человеку или Богу, я ни в чем не могу быть уверенным, кроме как в благополучном исходе дела. Я готов принять любой поворот событий, я ничего не предрешаю и всё поручаю заботам того, кому доверяю. Именно такой была вера Авраама и вера апостолов – они откликнулись на Божий призыв, еще ничего не зная, не будучи уверенными ни в чем конкретном.

А еще такая уверенность исключает возможность удивления. Если я твердо знаю, какие вещи обнаружу в своем платяном шкафу, то я уверен: там нет ничего незнакомого мне, ничто не попало туда без моей воли. Доверие, наоборот, всегда готово к открытию: с детской непосредственностью оно входит в прекрасный сад любящего Отца и не знает, какие именно цветы и плоды встретит в нем сегодня, но знает лишь, что они будут прекрасны. Доверие готово бесконечно удивляться, а значит – расти, изменяться и жить. Уверенности это не дано, она ходит вокруг прекрасного сада как сторож с колотушкой, и зорко следит, чтобы никто чужой туда не пролез. Но сторожу бывает не до того, чтобы пользоваться дарами этого сада.

Данн говорит, что фундаментализм отказывается от трех вещей, и я с ним в этом согласен. Из них первая – это представление об *ограниченности* человеческого слова, *условности* наших формулировок. Для святоотеческого подхода как раз всегда был значим апофатический подход: мы просто не в состоянии словесно выразить всю полноту Истины, мы можем лишь указать на нее, определить те пределы, за которыми ее нет. Но фундаменталист начинает претендовать на то, что словесные формулы вмещают всю ее полноту. Среди протестантов это приводит к т. н. «библиолатрии», когда люди поклоняются тексту Библии, а не Тому, о Ком текст говорит. Поскольку православные текст читают намного реже, их в библиолатрии не упрекнешь, но все равно плоды получаются не слишком добрыми.

Во-вторых, фундаментализм отказывается от *ситуативности* и *контекстуальности* текстов Писания. Мы видим в нем множество человеческих историй, и то, что говорится одному человеку в его ситуации, не обязательно может быть применено к другому в другой – но при фундаменталистском подходе текст бронзовеет в виде законченных догматических формулировок, изреченных единожды и на все времена. Из него уходит личное измерение, он уже становится не свидетельством о жизни людей, а правилами, по которым людям следует жить. Но не этот ли подход обличал Христос, споря с фарисеями?

Наконец, фундаменталист утрачивает *разнообразие* стилей и приемов, становится нечувствительным к *поэтичности* библейского текста. Все, что может быть понято буквально,

должно для него пониматься буквально, но это приводит ко множеству несуразностей. Например, когда книга Исход повествует о том, что вода в Ниле превратилась в кровь, должны ли мы понимать это так, что она стала настоящей животной или человеческой кровью, а следовательно, содержала эритроциты и лейкоциты, была определенной группы? Едва ли. Но если быть последовательными фундаменталистами, нам придется доказывать, что такое и только такое прочтение может считаться истинным.

Нетрудно убедиться, что отцам Церкви такой подход все-таки не был свойствен. Их обычно вообще мало заботило буквальное, историческое толкование – да это и не удивительно, они прекрасно сознавали, что живут в другой стране спустя века после этих событий, говорят на другом языке, чем библейские персонажи и не имеют достаточных средств и способов, чтобы прояснить детали тех или иных исторических событий. Поэтому, хотя духовное и нравственное толкование Библии отцами выполнено на непревзойденном уровне, в отношении буквального понимания Писания у нас все же остается много пробелов. Они могут быть отчасти восполнены при помощи современной науки, и нет причин нам от ее помощи отказываться, как и отцы не отказывались от философии своего времени, по происхождению языческой, и как привлекали они для толкования Писания зачатки естественнонаучных знаний того времени, весьма несовершенных (чему наилучший пример – «Шестоднев» Св. Василия Великого). Более того, именно этот подход может показаться актуальным и востребованным современному читателю, которому все же трудно осилить богословские трактаты отцов – а вот простые библейские повествования он воспринимает с куда большим интересом.

Так же Данн говорит о трех практических последствиях фундаментализма. Во-первых, это *отказ от интерпретации* текста, в православном варианте он может оформляться как «отцы за нас уже всё сказали». В любом случае, это представление о том, что существует очень ограниченный набор правильных толкований, который уже исчерпывающим образом перечислен в немногих книгах, и что нам достаточно их просто повторять. Но это значило бы сдать Библию в архив, перестать видеть в ней Слово Божие, обращенное не к древним толкователям, а к каждому из нас. Второе последствие – *гомогенизация текста*, то есть его приведение «к виду, удобному для логарифмирования». В свое время примерно по тем же мотивам Татиан составил сводную версию четырех Евангелий, «Диатессарон», но Церковь его отвергла – ей важно было сохранить свидетельства четырех евангелистов, пусть они в каких-то мелких деталях расходятся меж собой (и это как раз свидетельствует о подлинности свидетельств, поскольку никогда четыре человека не могут сообщать совершенно одно и то же, если предварительно не сговорились меж собой). А третье следствие – это *гармонизация*, стремление к устранению любой ценой всех формальных противоречий, не только между разными книгами Библии, но и, к примеру, между всеми ними и данными естественных наук. Книгу Бытия при таком подходе обязывают быть заодно учебником по космологии, астрофизике, геологии, палеонтологии, ботанике и десятку других дисциплин. Но зачем?

Шире говоря, фундаментализм приводит к утрате в Библии *человеческого элемента*. Она понимается как Слово Божие, и это кажется вполне правильным и благочестивым – но при этом отрицается, что она содержит в себе и нечто человеческое. Я помню, как однажды был приглашен читать курс по библейской поэтике в Московской духовной академии, и начал я его как раз с утверждения, что мы будем говорить не о божественной, а о человеческой стороне Писания. Некоторые студенты обрушили на меня шквал негодования: как это возможно! Но, боюсь, если счесть это невозможным, перед нами встанет ряд очень и очень серьезных проблем. Снова назову, вслед за Данном, три.

Нам не избежать проблемы *научно-методической*: мы сами себя принудим доказывать то, что от имени науки доказать просто невозможно, например, Павлово авторство Послания к евреям или сотворение мира семь тысяч лет назад. Но нам придется всех убеждать, что именно такова и есть наша, правильная наука – хотя на самом деле она вовсе не будет являться нау-

кой, а будет только заимствовать некие научные формы. Так еще несколько десятилетий назад в одном исламском университете в арабской стране была защищена диссертация, доказывавшая, что земля – плоскость, вокруг которой вращаются Солнце и Луна, ибо именно так описывает это Коран. Это звучит смешно, но сегодня появляются всё новые исламские исследования, доказывающие противоположное: нет, Коран как раз учит, что земля шарообразна. Это звучит ничуть не более убедительно. Казалось бы, есть простой выход: признать, что во времена написания Корана (а равно и Библии) люди считали землю плоской, и текст отражает эти воззрения. Для исламистов это немыслимо, поскольку Коран для них продиктован непосредственно Богом и не содержит в себе ни малейшей неточности или неполноты – но зачем нам, христианам, брать на себя такое неудобноносимое бремя?

Вторая проблема – педагогическая. Мне доводилось видеть людей (хорошо я был знаком с двумя), которые были православными христианами, начинали заниматься библеистикой, и... уходили из Церкви, теряя веру по меньшей мере в Церковь, если не в Бога. Можно сказать, что слаба была их вера, и что библеистика есть духовно опасное поприще, с этим я не буду спорить. Но есть у этой проблемы и еще одна сторона. Этим людям объяснили в свое время, что в Церкви есть некий стандартный набор правильных ответов на все вопросы. Пока они не подвергали эти ответы самостоятельному анализу, они их устраивали. Но как только они постарались разобраться во всем с позиции разума, ответы перестали быть убедительными. Честность требовала отбросить либо доводы разума, либо постулаты веры – они решили последовать разуму. Им никто, к сожалению, не подсказал в тот момент, что вера не враждебна разуму, она не обязательно включает в себя все те элементы, которые им были преподнесены фундаменталистским окружением как единственно возможные для христианина.

Еще в начале девяностых мне довелось видеть брошюру об истинности Библии, где всё строилось на книге пророка Ионы. Автор рассуждал так: атеисты говорят, что человек не может прожить три дня во чреве кита и остаться в живых, и потому они отвергают Библию. Но известны случаи (он приводил примеры, которые я не имел возможности проверить), когда моряки попадали в пасть к большой рыбе и выходили из нее через некоторое время живыми, следовательно, Библия права. Похоже, этот ход совершенно провален. Автор, по сути, заявляет: Библия права в том и только в том случае, если повествование книги Ионы надо понимать как вполне объяснимое с естественнонаучной точки зрения, а именно, что киты глотают людей, и люди остаются живыми. Если рассуждать в этой логике, ответ непредвзятого разумного человека может быть только таким: киты не глотают людей живыми, следовательно, Библия неправа, она есть сборник древних мифов, не имеющий никакого отношения к действительности. Среди всех возможных объяснений книги Ионы (это было чудо, это можно понимать иносказательно и т. д.) автор выбрал самое проигрышное и поставил на него, как на карту, всю истинность своей веры. Поневоле подумаешь, что записные атеисты с их топорной критикой религии служат Церкви лучше такого проповедника!

Наконец, это *духовная* проблема. При таком подходе наша церковь, боюсь, рискует разделить судьбу Александрийской, некогда славнейшей и величайшей на всем Востоке. Александрийцы упорно держались формулировок своего великого отца, Св. Кирилла Александрийского, ни в чем не отступали от них, ничуть не умалили Божественного достоинства Христа – но впали сначала в ересь, а затем и в ничтожество. Сегодня коптская церковь по-прежнему хранит словесные формулировки Св. Кирилла, хранит свои древние обряды, но это уже этнографический реликт, островок в мусульманском или светском море. Ее судьба – предостережение для нас.

Итак, настало время сделать вполне предсказуемый вывод. Фундаментализм нередко представляет себя как выход из того положения, в которое стремится завести христианство либеральная библейская критика. На самом деле, это не выход, а точно такой же вызов, как и эта критика, но только вызов с другой стороны, и для православных менее очевидный. Фун-

даментализм не тождествен здравому, творческому консерватизму, который гораздо больше подходит православному исследователю Библии. Здесь, разумеется, можно задать вопрос, в чем должен заключаться этот здравый консерватизм, но это гораздо более сложный вопрос, и у меня пока нет на него ответа. Мой доклад следует скорее апофатической модели: чего следует избегать, – а что нам следует созидать, можем определить только все мы вместе и показать это на практике.

15. Лингвисты об эволюции

Осенью 2006 года петербургская школьница Маша Шрайбер вместе со своим отцом подали иск против министерства образования: их религиозные чувства оскорбляло преподавание в школе теории эволюции. Иск был проигран, Маша ушла из родной школы и уехала аж в Доминиканскую республику. Преподают ли в тропиках теорию эволюции, или объясняют, что мир был сотворен в готовом виде за шесть дней – об этом мы ничего не знаем. Но среди христиан споры на эту тему не смолкают и по сю пору: как относиться к эволюции? Это научно доказанная теория или соборно осужденная ересь?

Об эволюции лучше рассуждать биологам. Я филолог, и хотел бы обратить внимание на еще один вопрос, который очень по-разному описывается в Библии и в современных учебниках: развитие языков.

Всем очевидно, что языки с течением времени меняются. Мы с трудом разбираем древнерусские летописи, а когда пытаемся читать Шекспира на языке оригинала, убеждаемся: Гамлет говорил не так, как сегодня говорят в Лондоне или Нью-Йорке. Было время, когда эти изменения описывали как «порчу» изначально чистого языка: дескать, итальянский, испанский, французский и другие романские языки – это испорченная простонародная латынь. Действительно, в основе этих языков лежат народные говоры, но теперь, когда на каждом из них создана великая литература, никто не назовет язык Данте или Сервантеса «испорченной латынью». Хотя про украинский, например, можно услышать и сегодня, что это «малороссийский диалект», испорченный польскими заимствованиями. А некоторые украинцы настаивают, что, наоборот, русский язык – это язык Киевской Руси, испорченный заимствованиями тюркскими и угро-финскими.

Конечно, это несерьезный подход. Очевидно, что языки развиваются, что от одного корня могут происходить разные новые языки, что они могут влиять друг на друга, изменяться до неузнаваемости и умирать. Но если это происходит в нынешнее время, вероятно, так было и в те времена, от которых до нас не дошли письменные источники? Реконструкцией таких изменений занимается сравнительно-историческое языкознание. Оно подсказывает нам, например, что русские слова *начало* и *конец* произошли от одного корня с чередованием гласного: *кен/кон*. В слове *начало* была приставка *на-*, суффикс *-ло* (ср. *шילו, мыло*), а корень неузнаваемо изменился. Но всем изменениям лингвисты могут привести точные параллели в других словах, это были регулярные процессы.

Более того, греческое слово *кайнос* со значением «новый» и латинское *recens* со значением «недавний» произошли от него же. Естественно, это уже не русский и не славянский корень, а индоевропейский. Некогда предки славян и многих других народов Евразии понимали друг друга, потому что говорили на близких индоевропейских диалектах, и лингвисты по данным современных языков могут восстановить их основные черты. Когда в XIX веке лингвист А. Шлейхер реконструировал грамматику и словарь индоевропейского языка, он даже написал на нем басню – настолько он был уверен, что его реконструкция надежна. Но время шло, в его реконструкцию вносились серьезные изменения, сама возможность писать по-индоевропейски была поставлена под вопрос... Современная лингвистика делает более скромные, но и более надежные выводы.

Зато лингвисты сравнивают теперь совсем отделенные языки: оказалось, что у индоевропейских языков есть общие корни с языками тюркскими, семитскими и многими другими. Эту макросемью принято называть сегодня «ностратической», и на соответствующем языке наши предки, вероятно, говорили примерно 15 тысяч лет назад. Гениальный российский лингвист С. Старостин предполагал, что 40–50 тысяч лет назад человечество пользовалось одним язы-

ком, от которого и произошли все языки древности и современности. Его, правда, мы реконструировать не можем.

Не напоминает ли нам это утверждение нечто уже известное из Библии? Разумеется, рассказ [11-й главы Бытия](#) о строительстве Вавилонской башни и о смешении языков. Только там говорится, что языковое единство было утрачено в один миг. А ученые утверждают, что языки отдалялись друг от друга постепенно, на протяжении тысячелетий, и мы видим доказательство этому в самом строении языков... Как тут быть?

В Средние века, до рождения современной лингвистики, существовала популярная теория о том, что изначальным языком человечества был древнееврейский, язык Ветхого Завета (нередко его отождествляли с арамейским или сирийским). На нем разговаривал Адам с Богом в раю, и при смешении языков только он остался неповрежденным, а остальные языки больше или меньше отдалились от него.

Мне рассказывали, что в Израиле в религиозных школах примерно так и описывают происхождение языков по сей день. И вот выпускник такой школы поступает в университет, начинает изучать лингвистику, и ему говорят, что на самом деле иврит – всего лишь один из семитских языков, сильно изменившийся по сравнению с праязыком, и что многие архаичные черты сохранились как раз не в иврите, а в... арабском! И языковой материал действительно подтверждает этот тезис.

Например, в древнееврейском языке есть слова *йом*, которое переводится как «день». В семитских языках корень слова обычно (хоть и не всегда) состоит из трех согласных звуков, но здесь их только два: *й-м*. А вот в арабском то же самое слово звучит как *йаум*. Вероятно, в середине этого слова был еще один корневой согласный, неслоговой *у* (как английский *w*), просто в еврейском *йаум* стянулось в *йом*.

Или пример из грамматики: в классическом арабском существуют падежи: *арду* – земля (именительный), *арди* – земли (родительный), *арда* – землю (винительный). В еврейском все падежные значения передаются предлогами, а слово «земля» не изменяется и звучит как *эрец*. Но существует странная наречная форма *арца* «на землю». Очень похоже на винительный падеж... Можно предположить, что когда-то и в еврейском были формы *арцу*, *арци*, *арца*, из них сохранилась только последняя, остальные утратили окончания, после чего неудобопроизносимое *арц* превратилось в *эрец*.

Если мы посмотрим не только на арабский, но и на другие семитские языки, наша догадка подтвердится: во многих из них слово «день» имеет три корневых согласных, и три падежа с соответствующими окончаниями тоже встречаются повсеместно. Выходит, что древнееврейский язык утратил эти общесемитские черты. И даже если предположить, что изначальным языком человечества был не иврит, а прасемитский или даже ностратический язык – что делать с постепенностью изменений?

И тут у студента есть выбор: либо принять лингвистику как науку, и попытаться прочесть текст книги Бытия другими глазами, трактуя его не так буквально, либо полностью отказаться от лингвистики. Он может сказать: да, Бог сотворил иврит таким специально, как будто этот язык уже прошел некий этап в своем развитии, но на самом деле никакого развития не было, а языковое разнообразие возникло в один момент, необъяснимым образом. А лингвистика – это ересь.

Я бы не стал ни в коем случае проводить прямые параллели между развитием языков и вопросом о биологической эволюции: это слишком разные процессы. Но я хотел бы обратить внимание только на одну деталь: три тысячи лет назад не существовало ни современной лингвистики, ни современной биологии, и поэтому нелепо ожидать, чтобы Библия использовала соответствующую терминологию или излагала научные теории двадцать первого века (почему бы тогда не тридцать первого, кстати?).

На самом деле, никакая наука не всеильна. Ученые решительно ничего не могут сказать о происхождении языка: на самой древней стадии, у самого первобытного племени он уже существует как сложная система. Лингвистика может объяснить, как развиваются языки, но не может сказать нам, почему вообще человек обладает языком и как это началось.

Может быть, нам стоит признать, что первые главы книги Бытия описывают «детство человечество» не языком современных учебников, а языком поэтических сказаний, на которых только и говорили о таких вещах тысячелетия тому назад? Это не значит, что все эти сказания – выдумка, они просто устроены несколько иначе, чем наши учебники. И пусть наука останется наукой, а вера – верой, они ведь на самом деле не враги друг другу.

16. Первая тувинская Библия

Республика Тыва или Тува, как нам привычнее говорить – это тоже часть России, хотя в это трудно поверить, когда пересекаешь ее границу со стороны Красноярского края. Сразу после Саянских гор сибирская тайга постепенно отходит, путника обступают невысокие сопки, за которыми лежит степь, словно сошедшая с монгольских полотен Рериха. Хотя язык тувинцев относится к тюркской группе, Тува исторически принадлежала к монгольской цивилизации. Вплоть до начала XX в. она входила в состав Маньчжурской империи, но после китайской революции, в 1914 г., стала протекторатом России, а в состав СССР вошла только в 1944 г. Монгольское влияние до сих пор чувствуется в культуре тувинцев. Их традиционная религия сочетает ламаистский буддизм и шаманизм, при этом тибетская разновидность буддизма пришла в эти края из Монголии всего несколько столетий назад. В центре столицы Тувы, города Кызыла (основан в 1914 г. как Белоцарск), стоят в нескольких десятках метров друг от друга буддистское святилище-хюре, шаманская юрта для проведения соответствующих обрядов и... памятник красным партизанам времен Гражданской войны. Очень красноречивое сочетание, но все эти религии и идеологии сосуществуют довольно мирно, ведь им, по сути, нечего делить на берегах Енисея.

Христианство в Туву пришло совсем недавно. Православная миссия в этих краях существовала еще в начале XX века, но, к сожалению, она продолжалась по понятным причинам недолго. Правда, с 1929 года и непрерывно по сей день в Кызыле действует Троицкий храм, построенный русскими колонистами «самоуправляющейся трудовой колонии». Есть и несколько других храмов в республике, но все же их очень мало, хотя на рубеже XIX–XX вв. здесь появились русские переселенцы, среди которых было много старообрядцев. Но они приезжали в Урянхайский край, как тогда назывались эти земли, в поисках свободы и лучшей жизни, а вовсе не для просвещения местного населения, с которым русские мало смешивались. Они и по сей день составляют меньшинство даже в столице республики, а в сельских районах их практически нет, кроме как в старообрядческих деревнях...

Христианские миссионеры вновь пришли в эти края в начале 1990-х гг.: это были протестанты из России, Украины, Америки и Кореи, основавшие несколько общин. Среди тувинцев есть и православные, но их немного и, в основном, это люди, принявшие русскую культуру или, по меньшей мере, хорошо знакомые с ней. Единоплеменники, как правило, смотрят на них косо: они оставили отеческие обычаи, стали поклоняться «русскому Богу», хотя в целом тувинцы достаточно веротерпимы, явных конфликтов на религиозной почве здесь практически не бывает.

Нам трудно представить себе, до какой степени мир тувинцев отличается от нашего: еще поколение или два назад эти люди вели кочевую жизнь в юртах, как при Чингисхане, и у некоторых из нынешних горожан было именно такое детство, например у Николая Куулара, о котором мы еще будем говорить. Перед этими людьми, по сути, стоит выбор: сохранить свою традиционную культуру в неприкосновенности, живя в юртах, или приобщиться к мировой цивилизации в городах. И выбор, как правило, за каждого из них уже сделан: ребенок, воспитанный в интернате, не будет жить в шатрах, словно во времена Авраама, не будет приносить жертвы духам гор и ручьев... Не потеряет ли он самоидентификацию? Вот главный вопрос для многих.

Этим летом выходит первый полный перевод Библии на тувинский язык. Невозможно переоценить его значение для христианской миссии: теперь любой тувинец, взяв этот текст в руки, увидит, насколько несправедливы слова про «русского Бога». Более того, читая про того же самого Авраама, он сможет убедиться, что у него было куда больше общего с тувинцами, чем с русскими, а значит, и для тувинцев последовать за Богом Авраама, Исаака и Иакова никак не зазорно. Но дело не только в миссии. Один из вопросов, который стоит сейчас перед

тувинским обществом, звучит примерно так: возможно ли тувинское христианство? Не русское христианство, принятое обрусевшими тувинцами, а именно местный его вариант?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.